

ВЛАДИМИР ФОМИЧЕВ

ПОЛЕ ЗАЖИВО СОЖЖЕННЫХ

ПУБЛИЦИСТИКА, СТИХИ,
ДОКУМЕНТЫ

Владимир Тимофеевич Фомичев

Поле заживо сожженных.

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=55320671

Поле заживо сожженных. Публицистика, стихи, документы /

В.Т. Фомичев: Родина; Москва; 2019

ISBN 978-5-907149-39-7

Аннотация

В книгу В. Фомичева входят материалы, посвященные разблокированию закрытых стеной официального молчания фактов о массовых сожжениях гитлеровцами гражданского населения на территории РСФСР (теперь Российская Федерация). Ужасные смерти безвинных и безоружных людей происходили в период оккупации фашистскими захватчиками 18 регионов самой большой республики Страны Советов. Начало процессу «возрождения памяти о невинно убиенных огнем» положила 10 лет назад встреча автора с П.А. Бычковым, свидетелем сожжения 340 мирных жителей в деревне Борьба на Смоленщине.

«Поле заживо сожженных» – первая в мире книга об огненной трагедии в Борьбе, исследование которой привело автора к открытию тысяч подобных трагедий в России. Постигнув их немислимо масштабное засекречивание, он ставит перед обществом вопрос: не преднамеренное ли это искоренение

памяти и русского исторического самосознания? На страницах нового издания запечатлен поиск честного решения проблемы – святое дело активистов-волонтеров одноименного движения во главе с его основателем и руководителем В. Фомичевым.

Содержание

Похоже на истребительную войну. Введение в первом и втором издании этой книги	6
Поступь святого дела	12
Огненное кладбище безмолствовало 64 года	18
Сила вдохновений	35
Бывшая деревня – безлюдное «поле»	46
Главный поэт эпохи	49
Мирно воссоздать русскую государственность	63
Угранская Хатынь	70
Газета «Рабочий путь» от 28 февраля 2008 г.	78
Выступление на «Поле заживо сожженных»	83
Самые отзывчивые в стране	88
Три кошмара	92
На пропагандирующего «русский фашизм»	95
Поперечные мысли	96
Открытое письмо	99
Слепая память	102
Конец ознакомительного фрагмента.	114

**Владимир
Тимофеевич Фомичев**
Поле заживо сожженных.
**Публицистика,
стихи, документы**
*Издание 3-е, исправленное
и дополненное*

© Фомичев В.Т., 2019

© ООО «Издательство Родина», 2019

*Петру Афанасьевичу Бычкову, бывшему
смертником при массовом сожжении немецкими
фашистами в деревне Борьба на Смоленщине 340
мирных жителей 13 марта 1943 года*

Похоже на истребительную войну. Введение в первом и втором издании этой книги

Идеократическая эпоха русской жизни перевернула все понятия с ног на голову. Из духовных они стали социальными. Возьмем для примера литературу. Всего одну, казалось бы, очевидную ее тему. Она «не замечена» тремя поколениями писателей: прошедших Великую Отечественную войну, нами – их и той бойни детьми, а также рожденными от нас. Я говорю о массовых сожжениях немецко-фашистскими оккупантами многих тысяч мирных жителей Родины, повсеместно на огромных пространствах оккупированных территорий. Как могло случиться, что присутствующие в учебных программах литераторы М. Шолохов, Б. Пастернак, Л. Леонов, А. Твардовский, К. Симонов, Р. Гамзатов, А. Солженицын, Ч. Айтматов, Е. Евтушенко, Ю. Кузнецов и прочие, а также уже претендующие на место в них самые молодые таланты обошли и обходят гробовым молчанием громадную составляющую великой национальной трагедии двадцатого столетия, гееннский ужас детей, женщин, стариков собственного Отечества? А такое невозможно не знать творческому интеллигенту – современнику победителей коричневой чумы. Разве могли умолчать о чем-то подобном

прозаики и поэты, жившие в любом столетии до них? Ни в коем случае, ибо в старину подходили к явлениям бытия с общечеловеческих установлений, божеских, а не коммуно-демократических – функциональных, в принципе исключающих гуманизм. Нынешним дали команду стиснуть зубы, проглотить языки – они исполнили, хотя, конечно, с разной степенью отвлечения от подлинной действительности. Гений Александра Твардовского, к слову сказать, увидел настоящую суть виртуальной жизни, представляемой с помощью метода соцреализма, коль произнес: «Этот свет вне планет и самой Вселенной». А в целом какофоническую музыку играет наша словесность с семнадцатого года до сегодняшнего дня! Потому и появляется за минувшие 65 лет лишь первая, можно сказать, эскизная книга об огненном российском геноциде. «Эскизная» – по той причине, что ни у кого из ее подготовивших просто нет избыточных денег.

Это касается исторической науки, то там царит такой же примитив в постижении интересующей нас проблемы. Ознакомившись со страницами «Поля заживо сожженных», читатель не раз убедится в справедливости этой мысли. А тут я хочу пояснить произнесенное следующим. У трех поколений историков, как сказано выше о писателях, тоже нет работ, посвященных именно заживо сожженным мирным жителям России. Более того, в энциклопедии «Великая Отечественная война» (М., 1985), подготовленной научно-редакционным советом издательства «Советская энциклопедия» и Ин-

ститутотом военной истории Министерства обороны СССР, даже нет словарной статьи о том. Как нет и в других справочных работах. Не определились корифеи науки о Великой Отечественной войне и с точным указанием оккупированных местностей, количеством соотечественников, ставших невиданными на родной земле факелами. К примеру, Подмосковье, как некоторые другие регионы, оказавшиеся в подобных условиях военного времени, на обобщающих оккупационное пространство страницах не присутствует. Почему – по небрежности, или отнесено к территории, где лишь велись боевые действия? Никаких разъяснений на этот счет мы не нашли.

Сплошь и рядом существуют разночтения о количестве звергнутых дышащими в гитлеровскую преисподнюю людей. Думается, они объясняются отсутствием системных монографий общедержавного уровня на основе солидных научных проработок. Цифры могут быть взяты в иных случаях с непроверенных слов. Так, в 1986 году, когда я впервые узнал о жути в Борьбе, сообщившая мне о том в Дуденках старая женщина ошиблась дважды. Сказала, что пеплом стали 217 человек, а не 287, как потом по документам нашел директор Угранского музея Быков. Спаслись же, она думала, три человека, и все они уже к 1986 году умерли. Но через 21 год я с друзьями нашел бывшего там в пятилетнем возрасте смертником Петра Афанасьевича Бычкова. Ему не только посвящена эта книга, но преимущественно о нем рассказывает ее

первый раздел, из которого видно, что уцелели тогда семеро. Такой факт здесь неопровержимо подтвержден. И общее количество казненных огнем в Борьбе ублюдками Запада возросло до 340.

Неоходимо подчеркнуть, что согласно международному праву оккупация – временное занятие территории государства вооруженными силами противника, не меняющее до-оккупационной гражданской принадлежности, обычаев, традиций и законов населения. Они должны неукоснительно уважаться и соблюдаться. Международные конвенции запрещают коллективные наказания, взятие заложников, угон граждан с мест проживания, привлечение их к военным и оборонительным работам, завладение их собственностью, уничтожение ее. Однако то, что творили немецкие фашисты и их союзники на нашей земле, просто не укладывается ни в какие цивилизационные и человеческие рамки, не говоря о строгих юридических установлениях для военного времени. Если, руководствуясь ими, оккупанту нельзя спалить простой сарай, то каково же должно быть к нему отношение, если он ввергал в адское пламя живых детей, женщин, стариков, инвалидов, военнопленных?

Сегодня по теме массовых сожжений безвинных людей возникает множество вопросов ко всем гражданам России: от только что получивших паспорта до первого должностного лица в ней. Назову лишь несколько.

Нельзя ли положить намозолившего всем глаза на теле-

экранах главаря демократической культуры, равнозначного главарям Третьего рейха по хваткам поучать «совков» с колокольни человеконенавистнической идеологии, в психологическую клинику? – За провокационное выдувание мыльного пузыря «русского фашизма», что еще и страшнее немецкого!

Почему телевизионщики призывают нас участвовать в обсуждении собачьих свадеб двуногих, а не положения о забвении миллионов невинных жертв на оккупированных гитлеровскими извергами территориях?

Почему осквернены могилы великомучеников в Борьбе «новой русской тайгой»?

Не является ли фактическим забвением, попыткой сознательно увести людей от реальной действительности повторение как заклинания фразы «Никто не забыт, и ничто не забыто», когда не помним самые безмерные страдания мирных жителей во время Великой Отечественной войны? С большой степенью уверенности можно предположить, что творцы такого положения знают истину, но молчат.

Уже нет в живых многих очевидцев российских трагедий массового испепеления населения на оккупированных территориях – почему их исторические свидетельства не были зафиксированы?

Как СМИ, всем органам печати в Центре удастся хранить полное молчание о жути безумной авантюры бесчеловечных упырей в роли «улучшателей» породы смертных?

Такие вопросы можно множить и множить. Эта скрытая ситуация похожа на истребительную войну с национальным самосознанием. Какая злая, противоборствующая народу сила стоит за ней?

И последнее. Мне кажется, если принять закон об ответственности за сокрытие исторической правды, на что не требуется никаких финансовых затрат, то уже одним этим можно память о жертвах немецко-фашистского ада превратить из сатанизма тайных врагов Отечества и бесчувственности российских чиновников в святое дело. Именно так и видят проблему русские люди, что запечатлено в обращении к Президенту РФ группы известных лиц, которое открывает книгу «Поле заживо сожженных».

Поступь святого дела

Введение в третье издание

Третье издание этой моей книги появляется не в условиях, когда при полном безмолвии «историков и центральных средств массовой информации» автор десять лет назад приступил к разблокированию трагедии Борьбы. Когда одновременно начал «общественное движение за увековечение памяти российских Хатыней на современном этапе» (В. Кожемяко). Теперь божеское дело продвинулось по сравнению с первоначальными шагами несоизмеримо далеко. Ныне сама гигантская проблема уже во всеуслышание заявляет, что без ее решения стране фактически грозит национальная катастрофа! Потому возникло даже структурное изменение выпуска по сравнению с двумя предыдущими. В них материалы располагались в соответствии с постижением истины за семью печатями. Шли вперемешку мои и привлекаемые, тут же анализируемые.

Таким образом они высвечива ее с разных сторон, чтобы увидеть в целом. Сборник в какой-то степени походил не на авторский, а на составительский. То есть его своеобразие определило время, как когда-то жанр поэмы Александра Твардовского «Василий Теркин», ставшей лучшей из написанных о Великой Отечественной войне. Но не похожей на

устоявшиеся образцы, даже «без начала и конца».

Я сегодня группирую публицистику, стихи, документы по-другому. Сначала идет созданное по теме мной в прозе и стихах, а затем я помещаю иные тексты как «Приложения». Ибо информационная блокада вокруг тысяч массовых сожжений заживо гражданского населения России в основном прорвана. Нацистский огненный кошмар в 18 ее областях и краях стал явью. Теперь «Поле заживо сожженных» больше ищет причины гробового молчания о ней – по сути, в период всего послевоенного времени. Молчания о плановом истреблении «монголоидных ублюдков», «унтерменшей» не арийских кровей. Эта книга выявляет разное отношение народа и клана к священному праху принявших страшную смерть сограждан. Невольно начинаешь думать: «Не свидетельствует ли такая ситуация о том, что наше общество стало делиться на туземцев и колонизаторов?». Большой объем времени и фактуры, на наш взгляд, настоятельно ставит перед правителями Российской Федерации вопрос: почему при такой сверхочевидной проблеме никто из них не хочет о ней говорить? Кажется, что об этом молчать уже просто неприлично, как человеку появиться на людях в рваном пальто.

Можно надеяться, что рано или поздно все же сработает закон перехода количества в качество. Как об этой проблеме до 2007 не было и речи из-за ее абсолютной закрытости, так вскоре, думаем, не будет вследствие ее решенности, хотя бы на уровне первоочередной. Однако пока она

пронизывает мою книгу многими своими составляющими. Среди них – «забытые» практически всеми, кроме меня с единомышленниками, свидетели российских трижды Хатыней: Мария Павловна Белякова и Семен Яковлевич Самуйлов. «Забытые» до того, что уже наступила вечная разлука с ними, ушли в мир иной. Но надо полагать, что длительное бесчеловечное положение, когда теперь о нем узнали, тоже ведет к ускорению процесса постижения реальной истории Великой Отечественной войны. Возьмем еще одну грань обсуждаемой темы: где книга с условным названием «Хроника фашистско-европейской оккупации СССР»? Читая от страницы к странице том, который ныне представляю вашему вниманию, вы наверняка вместе со мной начнете за такое переживать. И так же как я, сначала почувствуете, что пожаловаться некому, а оттолкнувшись от этого состояния, возмутитесь – если живем в своем государстве, то почему же оно не выполняет функцию ограждения национального прошлого от искажения? Откуда оно, такое красивое, взялось? Наверняка вместе со мной попытаетесь усечь, то есть понять: почему нет всемирного признания главного геноцида Земли, целенаправленно и хладнокровно проведенного творцами расовой политики как раз у нас, в том числе и огненной части его? По некотором размышлении спросите сами себя: чем дорожит наше общество, если для него 19 миллионов жертв геноцида войны с идолопоклонниками, в том числе в тысячах массовых аутодафе на земле государства, в котором

ныне живем, – не святыня? Не пора ли пересмотреть курс на сокрытие ужасающих смертей? Почему на государственном уровне эта самоубийственная историко-социальная ситуация остается без изменений?

В конце рецензии на две монографии довольно-таки молодых историков Александра Дюкова и Егора Яковлева «Нюрнберг XXI столетия» я выдвигаю свою версию ответа на такие вопросы. Прошу читателя внимательно ознакомиться с той страницей. Причина, думается мне, в стратегическом преимуществе у всех народов РФ по сравнению с русским народом. Так как они имеют и свою государственность наряду с федеральной, а он один – своей не имеет. Истина всегда конкретна. Русские похожи на миллионы отдыхающих на пляжах, не способных ни к одному согласованному действию общегосударственного масштаба. Пляжный статус даже не позволяет этносу выработать о чем-либо или о ком-либо коллективное мнение. Еще более удручающим выглядит положение русских в свете следующей формулы С. М. Соловьева, автора 28-томной истории нашей Родины: «Государство есть НЕОБХОДИМАЯ форма для народа, который НЕМЫСЛИМ (два слова выделены мной. – В. Ф.) без государства».

Думая о таких условиях, а также о шести миллионах жизней своего народа, отданных за Победу, и, в сравнении, о 24 тысячах одного из среднеазиатских, ломая голову над обстоятельствами существования концлагеря оккупации в

РСФСР с более чем десятью тысячами ежедневных смертей и отсутствием захвата, к счастью, земли того этноса и массовых плановых убийств у нас, я однажды написал такое четверостишие.

Не кровная боль

Увековечить преданных огню
Без государственности русских как же можно? —
Народов прочих госструктуры ни одну
Борьба иль Трубино ведь кровно не тревожат.

Все понимают абсурдность молчания верхних чиновников о главной трагедии Великой Отечественной войны, но почти никто не считает, что она происходит именно из-за нулевого статусного положения самого многочисленного в стране народа, отсутствия у него полномочий на решение любых, без исключения, проблем. Из-за этого же рождается непреклонное пустозвонство трубадуров западных ценностей, лишаящих русский народ своей подлинной истории, тем самым превращающих его в ничто. Однако демагогия воинствующих прозападников явно не впечатляет знающих убийственные факты о совместных казнях огнем невообразимого числа безоружных граждан России, об апокалипсических суммарных жертвах геноцида мирных жителей во имя

нацистского Евросоюза 1940-х.

Огненное кладбище безмолвствовало 64 года

9 мая 2007 обозначенный в названии раздела объект заговорил: дата державная и моя. Что тут к чему, прояснит прочтение книги. А я ставлю перед начавшими сей процесс следующий вопрос: по какой причине, на ваш взгляд, никто из пишущих в России людей до того дня не побывал в Борьбе – на месте заживо сожженных гитлеровцами 340 мирных жителей?

Собственно День Победы десятилетней давности, в который я с группой земляков посетил братскую могилу с пепельным прахом великомучеников, – эмбрион всего тома, к знакомству с которым вы приступаете. Выход на президента РФ оттуда же. Апеллирование к высшему должностному лицу несет колоссальную смысловую нагрузку и, само собой понятно, вышло на первый план. Сразу оговариваюсь, что я подготовил текст взывания, говоря старинным слогом, по гигантской проблеме. Оттого также вполне уместно открыть им мою собственную часть издания.

Обращение

К Президенту Российской Федерации

Дмитрию Анатольевичу Медведеву,

ко всем гражданам страны

Уважаемый Дмитрий Анатольевич!

Дорогие граждане России!

Через полтора года наша любимая Родина отметит 65-летие Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов над немецко-фашистскими армиями, вероломно вторгшимися в Советскую страну.

Справедливая освободительная борьба против гитлеровской Германии и ее союзников повлекла неслыханные жерт-

вы со стороны мирного населения СССР, около 42 процентов которого в начальный период боевых действий, в результате нарушения «бесноватым пророком» договора о ненападении и внезапности агрессии, оказалось в оккупации.

Известно, что на захваченной территории фашистская Германия установила жесточайший режим, действовавший вне юриспруденции и морали. В нарушение норм международных конвенций, например, Гаагской 1907 года, на оккупированных территориях нацистские изверги буквально истязали мирных жителей, реквизировали и беспощадно уничтожали принадлежавшую им собственность, не оставляя «ни кола ни двора».

Они истребили миллионы беспомощных стариков, женщин, детей. Такой гекатомбы история человечества не знала.

Осуществлялся расистский замысел уничтожения славянских и других народов.

К сожалению, сегодня обстановка с памятью о безвинных жертвах Великой Отечественной войны не совсем ясна. **Во всяком случае, нельзя с уверенностью сказать, что мы ее свято храним.** С уходом за границу в «лихие» 1990-е годы монументов Хатыни и Бабьего яра – главных символов гибели мирных граждан страны, – **в России нет даже общего национального памятника** о величайшей трагедии невооруженных жителей в огненное лихолетье. **Особенно поражает забвение многих сотен массовых сожжений заживо российских людей, находившихся на за-**

хваченных гитлеровцами территориях.

Так, в целом «более 540 тысяч человек потеряла Смоленщина за 26 месяцев оккупации» («Смоленская область. Энциклопедия, том 2, 2003 г.»), что соответствует жертвам десяти Бухенвальдов! Каждый третий житель области нашел преждевременную кончину от рук немецко-фашистских захватчиков. Только в Угранском районе области заживо сожжены 742 мирных жителя, в соседнем Вяземском – 773. По количеству жертв это десять Хатыней, и лишь в двух районах! А ведь в каждом районе на Смоленщине есть своя деревня, повторившая участь печально известной белорусской, есть своя Лидице. Об этих огненно-людоедских ужасах за минувшие годы не было ни одного упоминания на государственном уровне, в центральных средствах массовой информации, нет ни одного экспоната в областном музее Великой Отечественной войны и в других подобных музеях.

В оккупации помимо Смоленской области оказались Брянская, Псковская, Калужская, Московская, Новгородская, Ленинградская, Калининская (ныне Тверская), Курская, Белгородская, Тульская, Орловская, Воронежская, Волгоградская, Ростовская, Ставропольский и Краснодарский края, районы Рязанской области – десятки миллионов человек.

Почему замалчиваются трагедии массового сожжения жителей российских селений, почему о них нет сведений даже в энциклопедиях о народной священной войне, говоря слова-

ми самой популярной песни того времени? Вероятно, адское пламя грозных лет невозможно скрывать без системной работы, которую будет правильным назвать «тихим экстремизмом» нелегальных, враждебных народу сил в Отечестве. Дело дошло до того, что деятели культуры, обязанные по своему положению в обществе, что называется, назубок знать поименованные факты новейшей истории, клеймя злодеяния немецко-фашистских военных преступников, на самом деле наоборот – цинично и публично выдвигают провокационный миф о «русском фашизме», который к тому же «страшнее немецкого».

Как показывает жизнь, правильный взгляд на все существует в народе. Лишь он помогает избавиться от иллюзий типа «Никто не забыт, и ничто не забыто». Яркий тому пример – действия руководителей Угранского района Смоленщины по увековечению памяти о заживо сожженных и других невинных жертвах Великой Отечественной войны. В нынешнем сентябре там, в трехстах километрах от Москвы, местные руководители на специально выделенном для мемориала гектаре земли установили каменную плиту с уникальной надписью: «В Угранском районе немецкие фашисты при отступлении в 1943 году заживо сожгли 287, 175 и 280 ни в чем не повинных мирных русских жителей, половина из которых дети, – в Борьбе, Заречье, Знаменке».

На наш взгляд, незамедлительно используя этот бесценный опыт, можно в оставшиеся до 65-летия Победы в Ве-

ликой Отечественной войне месяцы сделать очень многое в этом плане. Скажем, говоря фигурально, – усеять похожими на угранский мемориал «Полями заживо сожженных» всю Центральную Россию. Без поиска особого затратного пути, на который часто списывают собственную бездеятельность российские чиновники, относящиеся к категории бесчувственных. Угранцы все ресурсы нашли на месте и задействовали их в кратчайший срок. Творчество граждан нашей Родины в указанном направлении может стать девятой волной поиска и реальных дел, в первую очередь всех жителей оккупированных областей: взрослых и детей, гуманитариев и производственников, музейных работников и публицистов, ученых и священнослужителей, гражданских и военных.

Мы уверены, что зримо отстаивающая в последнее время национальное достоинство верховная власть станет во главе народного движения по обретению смысла нашего существования, найдет неисчислимы возможности мощно поддержать его.

Л. Г. Ивашов, председатель Военно-державного Союза России, президент Академии геополитических проблем, генерал-полковник, доктор исторических наук.

В. Т. Фомичев, писатель, лауреат литературных премий, почетный житель районов: Угранского Смоленской области и Покровское-Стрешнево г. Москвы (бывший Тушинский).

В. Н. Ганичев, председатель правления Союза писателей России.

С. Н. Бабурин, председатель политической партии «Народный Союз».

Л. И. Касаткина, народная артистка СССР, лауреат Государственных премий, профессор.

А. А. Парпара, лауреат Государственной премии РФ, профессор МГУКИ, гл. редактор «Исторической газеты».

М. Я. Лемешев, доктор экономических наук, кавалер научных наград – Золотой медали М. В. Ломоносова, Золотой звезды В. И. Вернадского.

Н. А. Селиванов, скульптор, народный художник России, лауреат Международной премии им. М. А. Шолохова.

Е. С. Троицкий, председатель Ассоциации по комплексному изучению русской нации (АКИРН), доктор философских наук.

В. В. Сорокин, поэт, руководитель Высших литературных курсов, лауреат Государственной премии РСФСР им. А. М. Горького и других.

Е. А. Минина, директор издательства «Маджента», г. Смоленск.

18 ноября 2008 года.

Предложения по обращению к Д.А. Медведеву

Увековечить память о:

- заживо сожженных мирных жителей России во время Великой Отечественной войны;
- других мирных жителей, погибших от рук немецких фашистов;
- сожженных деревнях на оккупированных территориях.

На федеральном уровне:

- поручить Правительству составить полный и точный указатель мест массовых сожжений мирного населения в годы Великой Отечественной войны с обозначением количества жертв, их возраста, пола и фамилий;
- опубликовать эти сведения в сборнике (типа Книги Памяти по категориям жертв среди мирного населения);
- создать общероссийский монумент, посвященный памяти заживо сожженных и других жертв среди мирных граждан;
- создать экспозиции в соответствующих музеях;
- осуществить научные исследования по рассматриваемой проблеме и обнародовать их, исключив тем самым существующую в настоящее время в этом вопросе самодеятельность;
- произвести учет живых свидетелей массовых сожжений людей, напечатать воспоминания таких граждан как имеющие важную историческую ценность и огромное воспитательное значение;
- газетам, журналам, радио, телевидению, издательствам,

творческим союзам систематически освещать факты огненного геноцида в годы Великой Отечественной войны;

– органам образования обеспечить шефство над объектами материальной памяти о жертвах среди мирного населения.

На областном и районном уровнях:

– местные органы управления должны построить свою деятельность с учетом мероприятий, проводимых на Федеральном уровне.

Русские Хатыни? Молчок!

О тысячах трагедий массового сожжения населения фашистско-европейскими оккупантами в собственно русских областях и краях во время геноцидной войны не имели ни малейшего понятия школьные и вузовские учебники истории, по которым училось наше поколение. Истребительная политика по отношению к подлинному знанию об оккупационном концлагере смерти на территории современной Российской Федерации продолжается и сегодня. Прочитав собственное выступление десятилетней давности во Вздохах, которое представляю ниже, я увидел следующее. Моя моль в бывшем райцентре касалась «больше пятидесяти» огненных кладбищ в отцовском краю. Естественно, я тогда считал, что доношу такой

исторический факт до земляков и гостей музыкально-поэтического праздника в честь Михаила Исаковского как абсолютную истину. Надеялся, что идущие вослед, по сравнению с «детьми войны», будут просвещенными в этой точке народной судьбы, бывшей для нас белым пятном в детские, юношеские и все последующие годы.

Однако всего через десять лет деятельность по разблокированию немислимого горя «малой родины» увеличила размеры кошмарища шестикратно, доведя количество страшнейших трагедий в Смоленской области до 300! Помножьте-ка, для полного представления, названный ужас на все 18 регионов смерти в России периода нацистской оккупации 1941–1944 гг. «освободителем» Гитлером. Учитывая еще то обстоятельство, что современный иуда от культуры обвиняет самый многочисленный народ страны в «фашизме страшнее немецкого», не могу не думать постоянно об отсутствии своей национальной государственности и субъектности у нашего племени. У единственного в РФ, снова подчеркну это. На фоне шокирующих «разоблачений» светоча антипросвещенности хочу высказать свое мнение о том же самом. Если бы в 1941–1945 не реабилитировали русский патриотизм, то сегодня ни России и никого из живущих в ней не было бы.

Итак, знакомьтесь с началом постижения трагедии

Борьбы, приведшего затем к разблокированию тысяч массовых казней пламенем безвинных, как семья П.А. Бычкова, людей нашей Отчизны.

Во время традиционного песенно-поэтического фестиваля «Катюша» на родине Михаила Исаковского во Всоходах 19 августа 2007 г. выступил поэт Владимир Фомичев, лауреат премии имени автора песни, давшей название празднику, и его земляк. Он рассказал о посещении места массового сожжения заживо немецкими фашистами 287 мирных жителей в деревне Борьба, в краю М. Исаковского, 13 марта 1943 г. и прочитал свои стихи об этой поездке.

Лучшее лирическое стихотворение о Второй Мировой войне, написанное Михаилом Исаковским и ставшее знаменитой песней, начинается словами:

Враги сожгли родную хату,
Сгубили всю его семью.

При какой форме уничтожения мирных русских жителей на захваченных немецкими фашистами территориях полностью погибали семьи фронтовиков? Скорее всего – при массовых сожжениях заживо населения наших деревень. Таких трагедий только в Смоленской области было больше пятидесяти (в ней стали живыми факелами около семи тысяч человек), а сходные страдания приняли от германских ас-

пидов также дети, женщины, старики в Брянской, Калужской, Псковской, Новгородской, Ленинградской, Калининской (ныне Тверской), Ростовской, Волгоградской, Курской, Воронежской, Московской, Белгородской, Тульской, Орловской, Рязанской областях, Ставропольском и Краснодарском краях.

Михаил Исаковский – поэт фронтового поколения – не мог этого не знать, и как выдающийся лирик, очень чуткий к жизни соплеменников, не мог так или иначе не отозваться на эту величайшую народную боль. Его ответ на ужасающую жестокость западноевропейских извергов, проявленную к беззащитным людям, в первую очередь строка «Сгубили всю его семью» – строка с бездной, как сейчас понимаем, исторического содержания. В ней запечатлено характерное злодеяние гитлеровских ублюдков, осужденных потом как военные преступники международным Нюрнбергским трибуналом, главные из которых были казнены.

Еще более страшно становится от этого неслыханного кошмара, когда знаешь, что ни малейшей военной необходимости пришлых уродов в диких аутодафе не было совсем – свои основные «подвиги» подобного рода они осуществляли буквально при паническом бегстве под ударами Красной Армии. Мирные граждане в эти дни ни малейшим образом не могли оказать никакого влияния на ход боевых действий и, естественно, никак в них не участвовали. Я думаю, являясь слугами сатаны, вторгшиеся на древнюю

славянскую землю чудовища с Запада сжигали наших соотечественников ритуально. Подпитываясь, по негодяйским понятиям, энергией кристалльных душ, надеясь таким образом получить помощь от дьявола. Оккультист Кроули, человек-зверь, один из идеологов гитлеризма, свидетельствовал, что он в течение шестнадцати лет (1912–1928) приносил врагу рода человеческого ежегодно по 150 невинных жертв, особенно мальчиков как «имевших высочайшую и чистейшую силу».

На территории нынешнего Угранского района 13 марта 1943 г. в деревне Борьба иностранные выродки заживо сожгли всех жителей этого селения и еще Ломанчина, Криволевки, Гришина. В два раза больше ни в чем неповинных наших сограждан, чем в известной всему миру белорусской

Хатыни. Чего-либо хотя бы отдаленно напоминающего этот гееннский ужас не бывало здесь за все время существования людей, за все века.

На День Победы в этом году я в составе небольшой группы земляков из шести человек разных возрастов побывал на том огненном месте. Среди нас находился Бычков Петр Афанасьевич, чудом оставшийся в живых пятилетний тогда житель д. Борьба. Мы установили на месте душераздирающей трагедии каменную доску со словами о происшедшем, сделали снимки, и уже в Москве я написал об этом балладу «9 мая 2007 г.». Перед моей нынешней поездкой во Восток ее приняли к опубликованию известная московская газета,

прославленный альманах «Академия поэзии» и литературный интернет-журнал «Молодое око» (сокращенно «МОЛОКО»). Я готов вручить текст и фото любому средству массовой информации, представленному здесь.

К сожалению, адская акция марта 1943 г. по одновременному поголовному умерщвлению всех семей из четырех деревень не присутствует в общественном сознании, словно не является важнейшим историческим фактом. И не воспринимается как типичная для мученического лихолетья оккупации на русских землях. А разве может быть иначе? Ведь нигде, в том числе в Угранском краеведческом музее, о происшедшем нет буквально ни одного упоминания. Ни единого экспоната, свидетельствующего о таких зверствах, я не обнаружил при посещении почти десяти музеев других районов области, в каждом из которых были массовые сожжения заживо мирных граждан. Не нашел ничего об этом и в музее Великой Отечественной войны в Смоленске. То есть замолчаны фактически все смоленские и, как оказалось, в целом российские Хатыни. Они никак не фигурируют даже в энциклопедиях о Великой Отечественной войне, создатели которых эти инквизиторские факты грандиозной гитлеровской преисподней знают в сто раз лучше меня. Потому что являются военными историками – специалистами в области явлений и проблем тех лет. Зачастую имеющими ученые степени, которые подтверждают, что они – крупнейшие знатоки в делах коричневых страшилищ.

Лично я рассматриваю сложившееся положение как невиданное, организованное, тщательно продуманное, ослабляющее безопасность Родины преступление и отсутствие контроля со стороны государственных органов над идеологическими диверсиями против русского народа. До глубины души возмущает одновременное нагнетание ситуации с придуманными провокаторами «русским фашизмом», который, по наглому заявлению в откровенно антиправовой телепередаче бывшего министра культуры, «страшнее немецкого». Можно предположить, что такая гнусная личность является агентом мировых сатанистов, внутренним врагом России и ее народов. Весьма печально, что среди многомиллионного этноса некому задать ей очевидно необходимый вопрос: «Зачем ты суешься в чужие русские дела?». Надо помнить, что церковь князя тьмы официально существует в ряде стран, скажем, в США и Англии, с которых во всем берут пример наши прогрессисты-ироды. По их понятиям о ценностях, чем над более светлыми душами они изгаляются, тем значительнее служат своему хозяину – нечистому, отцу лжи. В голову невольно приходит мысль о том, что именно эти силы стоят за забвением чудовищных российских казней огнем безвинных душ.

Но меня также потрясают смоляне и жители названных выше других областей и краев. Особенно представители образованных слоев, которые об истязаниях пламенем-драконом земляков в годы минувшей войны молчат в течение де-

сятилетий. Ведь – подумать только! – сотни и тысячи журналистов, педагогов, работников культуры, властных сфер советского и нынешнего времен и другие лица реально представляют собой участников криминала по сокрытию первоочередной информации о нашей жизни. Известной им по ней самой, в конкретных случаях своих местностей, что называется, впитанной с молоком матери. Мы не имеем суверенитета даже на отправление культа предков, на поклонение национальным святыням Великой Отечественной войны. При этом мы составляем более 80 процентов в населении страны, которая потому официально должна являться, строго в соответствии с международным правом, моноэтнической. Об этом – тоже гробовое молчание среди внутренних и внешних врагов Отчизны. При нашем самоубийственном попустительстве мы не решаем в ней ни одного вопроса. Обозначенный здесь факт о русских Хатынях – из самых показательных. Ничего подобного в общественном поведении нет ни в одном независимом государстве планеты, причем и в только что на наших глазах образованных новоделах из территории исторической России. В какую же просто биомассу надо превратиться, что уже весь мир смеется над нами за такую всепокорность душепродавцам с не нашим образом жизни! Буренки не догадываются, а человеку легко сообразить: повернись стадо к пастуху рогами с намерением обрести свободу – и в том мгновении вспыхнет готовность унести хоть за тридевять земель перед угрозой неминуемого

ухода в небытие от несоизмеримо более мощной по сравнению с его кнутом силы. Иногда мне кажется, что наш русский самолет, национальное бытие, вошел в такое пике, что уже не выйдет из него. Порой думаю, что люди будущего, исследуя его гигантскую катастрофу, лишь по «черным ящикам» вроде моего сегодняшнего выступления будут иметь некоторую возможность знать о ее причинах.

Моя баллада о посещении места трагедии в Борьбе, надеюсь, расширит представление присутствующих о «малой родине» Михаила Исаковского.

Впервые опубликовано, вместе с балладой «9 мая 2007 г.» и фотографией с места массового сожжения мирных жителей в Борьбе, газетой «Московский литератор», № 16, август, 2007.

Сила вдохновений

Год столетия со дня рождения Михаила Васильевича Исаковского

совпадает с 55-летием Победы родного народа в Великой Отечественной войне и окончанием Второй мировой войны. Пережитое человечеством шестилетнее безумие, подвиг мужественности поколения нашего юбиляра и его поэзия воспринимаются мной в качестве потрясающе спаянных в историческое единство событий. Разумеется, не все согласится с подобным воззрением. В доказательство своей правоты хочу проанализировать «Враги сожгли родную хату» М. Исаковского как лучшее лирическое стихотворение о последней мировой войне:

Враги сожгли родную хату,
Сгубили всю его семью...

Начало этого шедевра, всего два восходящих стиха, уже концентрирует, как увеличительное стекло, внимание на главном в военной эпохе – театре страшных действий, и на основной фигуре, несущей смысл справедливости, а также на ее жгучей душевной драме. Вспомним союзников, сокрушавших вместе с СССР коричневую чуму, – США, Великобританию, Францию. Мог ли воин этих стран, возвратясь

домой, встретиться с подобным? Риторический вопрос, если учесть, что тяжелый фашистский сапог даже не ступал на землю первых двух государств. Ничего «в русском смысле» не мог наблюдать на своей земле и французский солдат. Там не было области, подобной родной Михаилу Исаковскому Смоленщине, в которой расстреляно и замучено в десять с лишним раз больше мирных граждан, чем погибло узников в Бухенвальде – знаменитом фашистском концлагере. Агрессоры разрушили около тысячи промышленных предприятий, сожгли почти 250 тысяч сельских домов. Больше 50 деревень спалили вместе с жителями, три из них в районе, где родился и вырос автор стихов, о которых идет речь. При чем в одной Борьбе, до сих пор не возродившейся, сгорели заживо 287 человек, считай, в два раза больше, чем в печально известной белорусской Хатыни. Равнозначно событиям грозных лет и исключительно глубокое проникновение Исаковского во внутренний мир победителя:

Куда ж теперь пойти солдату,
Кому нести печаль свою?

Пошел солдат в глубоком горе
На перекресток двух дорог.
Нашел солдат в широком поле
Травой заросший бугорок.

Стоит солдат, и словно комья

Застряли в горле у него.
Сказал солдат: «Встречай, Прасковья,
Героя, мужа своего.

Готовь для гостя угощенье,
Накрой в избе широкий стол, —
Свой день, свой праздник возвращенья
К тебе я праздновать пришел...».

Никто солдату не ответил,
Никто его не повстречал.
И только теплый летний ветер
Траву могильную качал.

Исаковский прекрасно знал народ, подробности его жизни внешней и душевной. В изображении им поведения, внутреннего мира «героя, мужа» нет ничего лживого, поддельного. Художник ничего не приукрашивает, не присочиняет. Он пишет, демонстрируя совершенное владение родным языком, являющимся сокровенным и для персонажа произведения. Это не книжный язык, а живое слово, простое и всем понятное. Оно соответствует народному чувству новейшей истории, смыслу человеческой жизни. Я, выросший в родных Исаковскому местах, ощущаю точность и реалистичность употребления мастером отдельных фраз, присущих нашей захолустной стороне, районной родине, если можно так выразиться. То, что в масштабах России глубоко запря-

тано, по сути сильно и органично. Сам от родительницы слышал при ее рассказе о сильном переживании: «Ничего не могла проговорить, словно комья в горле застряли». А отец, обращаясь к ней, при случае мог бы произнести, совсем как герой стихотворения при мысленном обращении к Прасковье: «Накрой в избе широкий стол». Да, семьи были многочисленными, а столы, за которые собирались все, соответствующими – не то что в большинстве современных городских квартир. В хате фронтовика из стихотворения, хотя это и не подчеркивается, тоже проживало много народу, раз в произведении присутствует такая деталь. Здесь налицо действие закона Эрнста Хемингуэя о творческой манере «айсберга», когда видна лишь десятая часть изображаемого, а девять десятых как бы под водой, но непременно воспринимаются читателем, и тем сильнее на него действуют. Что-то похожее на более близкое нам понятие о таком тексте, в котором словам тесно, а мыслям просторно.

Трагедия в масштабах не только века, но – тысячелетней человеческой истории, развертывающаяся на этом стихотворном поле, усиливается множеством иных поэтических аргументов, свыше явленных мастеру в минуты вдохновения. Как просто и изумительно сказано: «Свой день, свой праздник возвращенья к тебе я праздновать пришел»! Да, это именно его день, его «праздник возвращенья». Не только лишь четыре года отсутствовал, что само по себе для семьянина является событием незаурядным, но остался жив,

когда сотни тысяч товарищей по оружию легли на полях сражений. Такой праздник из праздников отмечают не в главных залах и не на торжищах, а с самыми близкими людьми. И только с ними можно вести молчаливый, как в процитированных строках, диалог, когда твой личный роковой случай подобен маленькой смерти. Рассказать о солдате все и было равносильно постижению великой эпохи борьбы со злейшим врагом человечества. Как сказано выше, поэты других земель объективно, при наличии любой творческой энергии и таланта, не могли этого сделать, потому что не имели возможности встретить у себя душу, вместившую истину через такие небывалые нежность и страдание.

Но большие страсти и невероятно громкие события военных лет правдиво запечатлены в отечественном поэтическом искусстве. Чтобы представить хотя бы схематично картину того, следует назвать некоторые громкие имена творцов ритмических строк по теме «Но помнит мир спасенный». Среди них – Александр Твардовский, Борис Пастернак, Анна Ахматова, Константин Симонов, Степан Щипачев, Николай Тихонов, Александр Прокофьев, Алексей Сурков, Михаил Львов, Саломея Нерис, Демьян Бедный, Аркадий Кулешов, Самед Вургун, Дмитрий Кедрин, Михаил Дудин, Марк Лисянский, Павел Шубин... Можно назвать еще десятки фамилий. Однако и у нас на родине ни одно из самых знаменитых стихотворений о великом деле фронтового поколения не может встать впереди шедевра Михаила Исаковского «Враги

сожгли родную хату». Назову только некоторые, без указания авторов: «Его зарыли в шар земной», «Я был пехотой в поле чистом», «Жди меня, и я вернусь», «Не гремит колесница войны», «Нет, не до седин, не до славы», «Я убит подо Ржевом», «Мы знаем, что нынче лежит на весах», «Роса еще дремала на лафете», «Шумел сурово Брянский лес», «Едут-едут по Берлину наши казаки» и др. Художественную ценность поименованных творений трудно преувеличить, они – вершинные достижения лирической музыки в гимнастерке, не просто дань духу времени. Однако их можно сравнить лишь с другими вещами самого Михаила Исаковского, созданными в ходе войны и тоже получившими величайший общественный резонанс, как например: «До свиданья, города и хаты» (1941), «В прифронтовом лесу» и «Ой, туманы мои!» (1942), «Огонек» (1943), «Где ж вы, где ж вы, очи карие?» (1944). А вот стихотворение «Враги сожгли родную хату» – первое и главное для самого создателя перечисленных и других жемчужин. Содержание лирической баллады не ограничивается приведенными выше строфами. Рассказ о горе и страдании возвратившегося с полей сражений человека продолжается:

Вздыхнул солдат, ремень поправил,
Раскрыл мешок походный свой,
Бутылку горькую поставил.
На серый камень гробовой.

Диалог с солнцем жизни героя, его единственным человеком продолжается – с мертвой женой, как с живой:

«Не осуждай меня, Прасковья,
Что я пришел к тебе такой.
Хотел я выпить за здоровье,
А должен пить за упокой.

Сойдутся вновь друзья, подружки,
Но не сойтись вовеки нам...»
И пил солдат из медной кружки
Вино с печалью пополам.

Выражение «Сойдутся вновь друзья, подружки» связывает времена до- и послевоенное, как молния на миг соединяет землю и небо. Художественный образ вернувшегося с фронта с победой сельчанина демонстрирует государственную мощь его Родины и мудрое преодоление народом многих испытаний, встреченных на своем земном пути:

Он пил, солдат, слуга народа,
И с болью в сердце говорил:
«Я шел к тебе четыре года,
Я три державы покорил».

Хмелел солдат, слеза катилась,
Слезка несбывшихся надежд.
И на груди его светилась

Медаль за город Будапешт.

«Слуга народа» не озлобился, не пал духом. Он, поборовший чужеземного врага, нравственно чист. Любовь к России дает ему жизненные силы.

Удивительна последняя деталь в исследуемой стихотворной истории. Мне рассказывал секретарь Белгородской писательской организации Владимир Мальцев, как трагически сложился штурм нашими войсками венгерской столицы. Сколько там полегло батеков моих ровесников! Конечно же, мой маститый земляк слышал о тех жутких боях от фронтовиков, «не постоявших за ценой» при освобождении одной из европейских столиц. Всего же за вызволение венгров, поляков, чехов, болгар и других зарубежных народов полегло наших воинов по официальной статистике примерно миллион. И здесь, в упоминании поэтом Будапешта, можно воочию видеть следование хемингуэевской манере письма – айсберговой.

Стихотворение «Враги сожгли родную хату», как все творчество Исаковского, получило справедливую оценку в глубине народной жизни, потому что оно уходит корнями в нее. Вот изменилась политическая ситуация – уничтожили Советский Союз, изменила ориентиры во внешней политике Венгрия, и «медаль за город Будапешт» выявляет новые глубины мировой истории, а вовсе не утрачивает своей роли. Так обстоит дело и с другими изобразительными средства-

ми. Михаил Исаковский создавал настоящие, живые художественные произведения, его творческая да и философская мысль не близорука. Такое творчество-явление нельзя отнести к «чистой поэзии», которая возбуждает интерес немногих специалистов. Выражаю уверенность, что даже последний отморозок на российских просторах слышал о человеке, у которого «враги сожгли родную хату, сгубили всю его семью». Конечно, если брать создание лирика в целом, может быть, что-то надо переоценить, что-то стало политически неактуальным. Но самое главное, мне думается, в другом – у М. Исаковского не было низменного подхода к поэтической работе. Подтверждением тому служит собственная судьба лучшего лирического стихотворения Второй мировой войны.

Создал его автор в 1945 году, и сам назвал «моим лучшим стихотворением». Навеяно оно было поездкой в победном году по смоленской сельщине. После появления трагедийной баллады в седьмом номере журнала «Знамя» в сорок шестом году «Литературная газета» в лице Семена Трегуба устроила ей дикий разнос, обвиняя Михаила Исаковского в пессимизме, развращении советских читателей отчаянием, неутешным плачем, непониманием ратного подвига советских людей. Речь шла и об ущербе стране, и об идеологической диверсии. Даже не верится сегодня в возможность такой оценки, но факт остается фактом. Судите сами, познакомившись с небольшим отрывком из опуса сверхдительного

критика: «“Враги сожгли родную хату” – жестокий и печальный романс о вернувшемся с фронта солдате в его безысходном горе. Это горе поэтом не преодолено, а усилено сочувствием и ложными ироническими интонациями. Он берedit раны, не врачует их. И потому-то его стихотворение само способно стать рассадником страдания». И т. д. в том же духе. Не случайно о нем появилась в писательском фольклоре эпиграмма:

Зол,
Невежествен,
Груб —
Трегуб.

Дал соответствующую оценку ему в «Новом мире» в» Открытом письме критику Семену Трегубу» и К. Симонов.

Спустя десять лет после создания баллады в вышедшем в Ленинграде сборнике Э. Литвинова рассуждала подобно С. Трегубу: «Солдат сорвершенно одинок, ему не с кем разделить свое горе» и предлагала Исаковскому поучиться у следующей частушки: «Поминай девятый май, ворота шире отворяй – с победой дроздочку встречай!». С ума сойти можно. Одним словом, над образцом русской лирики, как над станом Дмитрия Донского накануне бессмертной славы, пылала кровавая заря.

М. Исаковский, отвечая в периодике всем своим критикам, отмечал, что он следует принципу отражения в поэзии

подлинной жизни, а не умозрительных схем и кабинетных представлений о ней.

Со временем сорокастрочная баллада стала любимой народной песней. Евгений Долматовский, «вновь и вновь вспоминая мучительно тяжелый путь» к ней, зафиксировал такой любопытный факт в биографии этой лирической вещи: «Михаил Васильевич поведал мне, что Твардовский, прослушав “Враги сожгли родную хату”, удивился, говорит: “Ты в двадцать строк вкладываешь столько, что мне в поэму не вложить!”». Получается, вся баллада стоит двух поэм Твардовского – лучшего советского мастера в этом жанре.

Александр Блок заявлял: «Я верую, что мы не только имеем право, но и обязаны считать поэта связанным с его временем». Стихотворение-песня М. В. Исаковского «Враги сожгли родную хату» является живым подтверждением верности художника своей эпохе. Оно так связано с войной, что не только по рождению в 1945 году, но по служению великому делу памяти о преодолении народом-богатырем величайшей трагедии должно юбилейно отмечаться в 2000-м году вместе с 55-летием Победы над гитлеровским фашизмом.

*Предисловие к юбилейной – в честь 100-летия поэта
– книге Михаила Исаковского Чужая земля не нужна.
М.: изд-во «Русский мир», 2000.*

Бывшая деревня – безлюдное «поле»

Смоленская земля – малая родина нашего великого лирического поэта Михаила Исаковского. Поэт фронтового поколения, он не мог не знать о чудовищных преступлениях гитлеровцев, не мог промолчать об огненной оккупационной лавине, сметавшей все и вся на родной земле. Стихотворение, ставшее песней, – «Враги сожгли родную хату», написано под впечатлением этих страшных событий, считает Владимир Фомичев, поэт, публицист, лауреат премии «Прохоровское поле», уроженец той же смоленской земли. И доказывает это.

*Враги сожгли родную хату,
Сгубили всю его семью.*

В этих строках бездна подлинного исторического содержания. Можно догадаться, что речь идёт о массовом предании огню детей, женщин, стариков.

*Пошел солдат в глубоком горе
На перекресток двух дорог.
Нашёл солдат в широком поле
Травой заросший бугорок.*

Солдат пришел на место, где стояла его деревня, которой

нет. Потому что каждое селение – это «перекресток двух дорог», обращенный ко всем четырем сторонам света, то есть неограниченный выход отсюда в мир для любого человека. В населенных пунктах могил практически не бывало, кладбища (погосты) всегда находились в стороне. Они появились там, где столетиями жили люди, лишь в период оккупации, после массовых убийств населения немецко-фашистскими завоевателями. Причем это – почерк захватчиков XX века. Ни при татаро-монголах, ни при французах, побывавших на нашей земле, такого не наблюдалось. За этими наспех сделанными захоронениями некому ухаживать – поэтому:

Травой заросший бугорок

Деревня стала *безлюдным* «широким полем», в котором...

*...теплый летний ветер
Траву могильную качал*

В лесных деревушках, например, в родном М. Исаковскому районе на Смоленщине, больших полей вообще не бывало. Откуда же «широкое» появилось? Это – пространство сметенной с лица земли деревни вместе с усадьбами, огородами, колхозными фермой, конюшней, овчарней, пасекой, ригой и т. п.

Часто жители сожженных деревень возвращались на свои

пепелища и рыли землянки, в которых продолжали жить. Здесь же никого не осталось в живых. Солдату не с кем даже помянуть сгубленную врагами «всю его семью», не с кем поделиться безысходным горем:

Кому нести печаль свою?

И его Прасковья, и односельчане умолкли навеки: ни принять его, ни поговорить с ним не могут:

*Никто солдату не ответил,
Никто его не повстречал.*

В песне-шедевре – величайшая народная боль, ответ на ужасающую жестокость, проявленную к беззащитным людям, со стороны западноевропейских извергов, осуждённых потом как военные преступники международным Нюрнбергским трибуналом; главные из них были повешены.

Сайт литературно-исторического творческого объединения в Строгине

Комментарий. В этом районе столицы имеются улицы русских советских поэтов Великой Отечественной войны, произведения которых вошли во все посвященные ей антологии и хрестоматии, – Михаила Исаковского и Александра Твардовского.

Главный поэт эпохи

В 2007 году я выпустил роман «Север Северище», где, наверное, впервые в художественной литературе присутствует тема так называемого «ленинградского («русского») дела». Там я называю число только физически уничтоженных по нему – 200 человек, что шокировало мое писательское окружение, конечно же, достаточно грамотное. Но и оно такой информацией не обладало. Почему? Потому что о злодейски уничтоженных собратьями по партии, как и о русских Хатынях, – молчок! В моей же статье, написанной к столетию А. Т. Твардовского (2010), которую представляю здесь извлечениями, количество по идеологическим причинам расстрелянных в 1949–1953 представителей фронтового поколения выросло до 2000. Это произошло в результате уточнения одного честного эрудита, подтвержденного другим авторитетом.

А сейчас я держу в руках интервью с известным историком, профессором МГУ Александром Вдовиным, опубликованное «Литературной газетой» 12 февраля 2014 года, и читаю следующее: «Ленинградское дело», в котором был усмотрен великорусский национализм, закончилось расстрелами 32 тысяч человек». Смотрите, что получается: в сущности абсолютная за-

крытость неслыханной народной трагедии! Меньше, чем за десятилетие, у прикоснувшегося к ней частным образом человека цифра изменилась 160-кратно! За это же время и количество жертв фашистского геноцида на моих глазах увеличилось с 16 миллионов до 19 миллионов! Спрашивается, если обратиться только к этим фактам, есть у нас наука, именуемая Отечественной историей, или нет? Полагаю, теперь любому читателю моего сочинения понятно, что в нашем времени переворотчиков девальвируется память о всех главных национальных трагедиях, не только об ужасе Борьбы и тысячах «сестер прнскорбной».

Течение нынешних дней на фоне жизненной и творческой судьбы Александра Трифоновича Твардовского показывает, что, как и ему, нам свою историю приходится завоевывать.

К 100-летию А. Т. Твардовского

3

Дочь вызвавшего в столь молодые годы громадную сенсацию «Страной Муравией» поэта, доктор исторических наук профессор Валентина Твардовская в году 95-летия отца, от-

вечая на один из вопросов корреспондента «Медицинской газеты» Владимира Королева, сказала: «Дом у дороги» – полупрочитанная поэма. Она не ко двору пришлась. После войны – сплошное ликование, все ему говорили: «О чем вы!». Думаю, это очень точное наблюдение. Празднуя ныне 65-летие Великой Победы и 100-летие лучшего из лучших певцов всенародного подвига, который она увенчала, самое время развить мысль Валентины Александровны. 2005-й, 2010-й – не 1946-й, когда появился новый шедевр нынешнего юбиляра. Та свежая праздничность далеко позади. Что же мешает теперь говорить в полный голос о неизбывном горе солдатки Анюты Сивцовой с тремя детьми, угнанной вместе с ними в немецкое рабство, беременной четвертым, родившемся уже в неволе? «Что не могла глядеть назад, / Где дом пылал зажженный, / Как гнал ее чужой солдат / На станцию с колонной; / Что не могла она сбересть / В саду трехлеток-яблонь; / Что шла, покинув дом и печь, / А так детишки зябли! / Что шла, как пленные, в толпе / На запад под конвоєм...» Сам автор всю войну искал возможность рассказать о ее судьбе:

Я начал песню в трудный год,
Когда зимой студеной
Война стояла у ворот
Столицы осажденной...

И где бы ни переступал

Каких домов пороги,
Я никогда не забывал
О доме у дороги.

О доме горестном, тобой
Покинутом когда-то.
И вот в пути, в стране чужой
Я встретил дом солдата.

Тот дом без крыши, без угла,
Согретый по-жилому,
Твоя хозяйка берегла
За тыщи верст от дому.

Она тянула кое-как
Вдоль колеи шоссейной —
С меньшим, уснувшим на руках,
И всей гурьбой семейной.

Кипели реки подо льдом,
Ручьи взбивали пену,
Была весна, и шел твой дом
На родину из плена.

Полупрочитанность «Дома у дороги» остается и даже становится все заметней, едва ли не выступает на первый план. И вот почему мы можем так сказать. Спустя более полувека после изгнания врага с родной земли общество только начи-

нает осознавать: в России даже нет памятника 16 миллионам замученных немецкими фашистами гражданских лиц, что на пять миллионов превышает потери Красной Армии. Людей буквально ошарашили только что опубликованные энтузиастами такие архивные материалы о злодеяниях гитлеровцев в родной Александру Твардовскому области: в ней каратели «сожгли дотла более пяти тысяч сел и деревень, из них около 300 вместе с мирными жителями». Помножьте эти цифры на восемнадцать оккупированных территорий нынешней Российской Федерации. На фоне названных чудовищных злодеяний страна, можно сказать, практически не слышит обращенного к ней в «Доме у дороги» голоса великого мастера ритмического искусства:

Как жадно в рост идет трава
Густая на могилах.
Трава – права.
И жизнь жива.
Но я про то хочу сперва,
Про что забыть не в силах.

Та память горя велика,
Глухая память боли.
Она не стихнет, пока
Не выскажется вволю.

И в самый полдень торжества,
На праздник возрождения

Она приходит, как вдова
Бойца, что пал в сраженье.

Как мать, что сына день за днем
Ждала с войны напрасно,
И позабыть еще о нем,
И не скорбеть всечасно
Не властна.

И такое же могучее слово на тему непомерных страданий
жителей Отечества в другой главе поэмы, с призывом ничего
не забывать:

Прошла война, прошла страда,
Но боль взывает к людям:
Давайте, люди, никогда
Об этом не забудем.

Пусть память верную о ней
Хранят, об этой муке,
И дети нынешних детей,
И наших внуков внуки.

Пускай всегда годину ту
На память нам приводит
И первый снег, и рожь в цвету,
Когда под ветром ходит.

И каждый дом, и каждый сад

В ряду – большой и малый.
И дня восход, и дня закат
Над темным лесом – алый.

Пуškai во всем, чем жизнь полна,
Во всем, что сердцу мило,
Нам будет памятка дана
О том, что в мире было.

Затем, чтоб этого забыть
Не смели поколенья.
Затем, чтоб нам счастливей быть,
А счастье – не в забвенье.

4

В подробной хронике Омской писательской организации к 100-летию А. Т. Твардовского, талантливо исполненной Василием Савченковым и точно названной «Травля», есть потрясающее свидетельство уже цитировавшейся нами Валентины Александровны, дочери поэта, о его жуткой депрессии в послевоенные годы – годы тяжелейшей жизни населения в условиях разрушенного войной хозяйства. Не могу не привести это редкое и столь существенное высказывание полностью:

«Наиболее тяжелый период наступил после войны, на ру-

беже 40-50-х, когда стихов отец почти не писал. И длилось это не месяц, не год, а несколько лет кряду. Мучительное разрушение прежней веры отвращало от стихов. У отца даже возникла мысль о самоубийстве. Об этом не знают ни читатели, ни почитатели его таланта, ни земляки поэта.

Послевоенная жизнь народа-победителя, которую он видел на родной Смоленщине и во Владимирской области, где был депутатом, оказалась совсем не такой, какой представлялась на войне. Жизнь эту для него олицетворяла тетка Дарья

С ее терпеньем безнадежным,
С ее избою без сеней
И трудоднем пустопорожним,
И трудоночью – не полней.

То, о чем отец хотел сказать в полный голос, было невозможно. Он говорил, что душа наедине с собою не могла переступить этот страх перед страшными выводами».

Низкий поклон Валентине Твардовской за приоткрытие сущего ада в сердце жившего вместе с нами поэтического гения. Я могу лишь предположить, что являлось первенствующей составляющей тогдашнего непомерного страдания автора «Василия Теркина». Думаю, ею стала начавшаяся вскоре после Победы в Великой Отечественной войне жуткая, геноцидная борьба Сталина с угрозой национального возрождения страны. Явственно ощутив ее, генералиссимус хит-

ро и коварно приступил к изничтожению пробивавшихся ростков насущной исторической справедливости-необходимости. Ведь в результате преступных революционных потрясений русский народ лишился собственного национального государства, вовсе не имел каких бы то ни было властных структур, не только что их полного набора, какой существовал в течение столетий. Параноидальная истребительная политика возобновилась Сталиным с целью эксплуатации нации, создавшей Великую Россию, и несметных богатств ее для осуществления коммуно-советской химеры – теперь уже не только на земле наших отцов и дедов, но на всей планете.

В этом плане коварство его поистине непомерное. Произнес большой силы тост за русаков, сделавших главный вклад в освобождение страны и человечества от фашизма, и сразу без шума повел другую внутреннюю политику. Чуть позже совсем отворил дверь в новый этап ужасающего, чрезвычайного геноцида против нас, подобного послереволюционному. Так, все до одного главные полководцы войны за национальное освобождение, вдохновлявшие войска, в частности, близкой перспективой несомненного улучшения жизни после сокрушения врага, теперь под разными фальшивыми предлогами отстранялись от ключевых должностей, удалялись из столицы, лишались большей возможности влиять на исполнение чаяний народа. Например, Маршала Победы Г. К. Жукова, любимого всеми, Сталин молниеносно вылол из почвы Москвы, как вредную траву, и отправил сна-

чала в Одессу, а затем на Урал. Маршала Сов. Союза, Героя Сов. Союза (1944, 1945), в июне 1945 года командовавшего парадом Победы в Москве, К. К. Рокоссовского назначил главнокомандующим Сев. группой войск; Маршала Сов. Союза (1944), Героя Сов. Союза (1945) Р. Я. Малиновского – главнокомандующим войсками Д. Востока, естественно, с пребыванием в тех регионах. В феврале 1947 Н. Г. Кузнецова освобождают от командования Военно-морским флотом, который он 22.06.1941 привел весь полностью в боевую готовность, подписав соответствующий приказ на семь часов раньше директивы наркома обороны и тем самым не потеряв в первый день войны ни одного корабля, когда, например, были уничтожены на аэродромах, даже не взлетев, больше тысячи самолетов. Такие теперь становились противниками. В 1947 министром Вооруженных сил стал генерал-полковник Н. А. Булганин, с преобладающим опытом деятельности до того в органах ВЧК и на хозяйственно-советских работах. Все это прямо указывает на подготовку к ослаблению роли русского народа в жизни Сов. Союза, на заговор против возрождения нации. Православные победители коричневой чумы уже были не «братьями и сестрами», когда Сталин обнялся с ними иезуитским умом в момент смертельной опасности, не были «руководящим народом» из до сих пор пленительного для многих сердец тоста, произнесенного 24 мая победного года. В 1947 появился указ Верховного Совета СССР: «Во изменение Указа от 8 мая 1945 г. считать 9 мая

– праздник победы над Германией – рабочим днем».

Пик страшной трагедии – поспешное массовое отстранение от управления, бесчисленные посадки, отправление в лагерь, физическое истребление лучших кадров, выигравших войну и преодолевших огромную разруху после нее. По так называемому «ленинградскому», как опять же коварно-пропагандистки именовали, а точнее – по «русскому делу» (1949-53). Такое происходило в высших эшелонах власти и на местах. Помимо Москвы и Ленинграда – в Крыму, Рязани, Ярославле, Мурманске, Горьком, Таллине, Пскове, Новгороде, Петрозаводске... Жуткие репрессии длились до самой смерти Сталина. Только расстреляли более 2000 самых ценных на то время руководящих потомков Александра Невского, Дмитрия Донского, Кузьмы Минина, Дмитрия Пожарского, Александра Суворова, Михаила Кутузова. Именно эти исторические имена на параде 7 ноября 1941 в Москве на Красной площади, обращаясь с речью к войскам и народу всей страны, председатель. ГКО Верховный Главнокомандующий и нарком обороны СССР И. В. Сталин называл многовековым духовным источником будущих побед над немецким фашизмом: «Пусть вдохновляет вас в этой войне мужественный образ наших великих предков!». С тем и победили. Народ не стал бы воевать за СССР без исторических корней, созданный «внутренними завоевателями» в результате переворота 1917-го. Но в послевоенном Советском Союзе опять именно с этого года начина-

ли отсчет государственности, и отсюда – беспощадное уничтожение национального ядра. Оно мешало превращению в красный цвет «земли наших великих предков» и в целом всего мира. В победоносной стране маленковы, берии, абакумовы, леоновы, комаровы, лихачевы, кобуловы, меркуловы, шкирятовы, рюмины, черновы, броверманы беспощадно уничтожали лучшие партийные, советские, хозяйственные, военные кадры – в основном представителей самого многочисленного этноса, сформировавшихся и занявших видные посты не в царское время, а при Сталине, поверивших в него и в справедливость социалистического строя. Среди них крупнейшие деятели коммунистической партии и советского государства – председатель Госплана СССР, заместитель председателя Совета Министров СССР, член Политбюро ЦК ВКП(б) Н. А. Вознесенский; член Оргбюро, секретарь ЦК А. А. Кузнецов (первый секретарь Ленинградского обкома и горкома партии в 1945–1946 гг.); председатель Совета Министров РСФСР М. И. Родионов... Ни малейшей государственной вины никто из них не имел, не зря Верховный Суд СССР 30 апреля 1954 их всех реабилитировал. Их единственная «вина» – честность и порядочность. «Удивлялись», например, почему атрибуты партийной (главной тогда) и государственной власти в РСФСР гораздо слабее, чем в других республиках, хотя Устав КПСС и Конституция СССР провозглашали равноправие всех. Но бандократы того времени замалчивали это коренное обстоятельство, людоедски

поедая своих сотоварищей, и требовали уничтожения якобы за «неверную» организацию городской выставки и т. п. Это смешно даже по меркам каннибалов. Как прояснило время, «красный цвет» явился призраком счастья для народов и сытной кормушкой для номенклатурных кланов. Гекатомбные жертвы ради него оказались совершенно бессмысленными!

Три года назад я выпустил роман «Север Северище», в котором, полагаю, впервые с того времени – грандиознейшей национальной трагедии – создан в художественной литературе один-единственный образ ее участника, в главе «Смерть и тетрадь Серени Пророка». Свое видение времени, когда по свидетельству В. А. Твардовской депрессия ее отца была так сильна, что вызывала у него даже мысль о суициде, я, естественно, считаю единственно верным. Оно закрыто темным лесом многих событий, истолкованных в тогдашней общей атмосфере засекреченности не научно, а узко пропагандистски, извращенно. Это ощутили все думающие личности, пытавшиеся анализировать тайные страницы летописи СССР после 1945, например, Вадим Кожин. Вот какими словами он начинает свою работу «Лаврентий Берия, послевоенные репрессии, сталинский культ...»: «Как уже не раз говорилось, первые послевоенные годы – едва ли не самый загадочный период нашей истории».

Катастрофа середины двадцатого столетия, на мой взгляд, стала главной причиной крушения Советского Союза в

1990-е и является реальной угрозой суверенитета современной Российской Федерации. Можно представить, какой же острой она была для все видевшего своими глазами Александра Твардовского, находившегося на орлиной высоте гения!

25 марта 2010

Мирно воссоздать русскую государственность

*Из речи на совместном заседании Советов –
главного и учредителей – Союза русского народа*

Сам термин «Союз русского народа» является нонсенсом, когда нет такого этноса, ибо он, как сказано выше, «немыслим без государства», которого всегда не имеют рабы.

Перейти от обороны к наступлению можно и в такой мирной форме – «революции мудрости, устраняющей заблуждения». Вроде тактики сатья граха, разработанной в колониальной Индии М. Ганди для ненасильственной борьбы за независимость. Общетерриториальные акции противоабсурда, выявляющие, например, причины замалчивания в течение долгого времени российских Хатыней, трагедии массового расстрела и отстранения от власти в конце 1940-х – начале 1950-х годов лучших кадров основного этноса, подоплека ежесуточного исчезновения без вести десятков наших сограждан сегодня и т. п., объединят все российское население – от губернаторов до бомжей, прояснят вражеский антинациональный характер таких явлений, их конкретных творцов. Обнажатся самые гнусные обманы для окончательного

осуществления современной западно-американской политической мысли с неизменной программной установкой – полного уничтожения русского населения и создания на его сказочно богатых землях своей неокOLONиальной территории.

К примеру, Союзу русского народа можно было бы объявить и возглавить бессрочное общенациональное действо: «Сотни тайных российских Хатыней сделаем явными!». При этом, несомненно обнаружатся циничное издевательство над русской историей, тайна внедрения подлого жупела «русский фашизм хуже немецкого», умаление Победы граждан СССР в Великой Отечественной войне. Мы выявим преступников, персонально ответственных за более чем 60-летнее замалчивание огненного геноцида против мирных соотечественников. Можно выразить уверенность, что, кроме того, мы найдем механизм сокрытия массовых сожженных людей и вскроем центр, проводящий занавесную работу, ибо такой грандиозной разрушительной антигосударственной цели просто невозможно было бы достичь без мощнейшей координации усилий. Если мы все-таки не «бывший» этнос, как определяли В. Солоухин и Г. Свиридов, то Союз русского народа обязан сделать запросы сегодняшним первым лицам Российской Федерации (президенту, главе правительства, спикерам Госдумы и Федерального Собрания) с требованием объяснить причины отсутствия памяти о заживо сожженных западноевропейскими оккупантами наших согражданах примерно в 500 селениях. Пусть гросслидеры

ответят обществу, почему за десятилетия великорусским великомученикам не установлен общий монумент. Главных персон страны и губернаторов оккупировавшихся фашистами областей надо заставить сказать, как им удастся тотально не упоминать в своих речах, даже в день Великой Победы, о живых факелах наших граждан в гитлеровской преисподней. Пусть они объяснят народу, зачем отсутствуют державные программы и законы по проблеме российских Хатыней. Подобная архисправедливая деятельность в конце концов подавит «пятую колонну», поставив ее вне закона, нормализует гражданственность, переведя разрушительную ситуацию двойных стандартов в универсальную, вернет подлинный суверенитет Родине.

Возрождение державы невозможно без возрождения русской идеи. Она должна стать пропагандистской в защите России, как было во время Великой Отечественной войны. Не зря ведь героем главной поэмы о битве «ради жизни на земле» является «русский чудо-богатырь», а К. Симонов так выразил отношение к Отчизне:

Нас пули с тобою пока еще милуют,
Но, трижды поверив, что жизнь уже вся,
Я все-таки горд был за самую милую,
За русскую землю, где я родился.

Письмо в райцентр

Главе муниципального образования

«Угранский район»

Володову В. Ю.

Председателю Угранского районного

Совета депутатов

Андрееву П. С.

Уважаемые Владимир Юрьевич и Павел Сергеевич – руководители Угранского района!

Прежде всего разрешите выразить вам сердечную благодарность за установку в мае этого года памятного знака о заживо сожженных немецкими захватчиками 287 жителях в деревне Борьба 13 марта 1943 г.

По нашим сведениям, это – первый памятник такого рода в Угранском районе, появление которого получило большой резонанс не только в нем, но и среди населения всей Смоленской области, а также смолян, проживающих ныне в Москве, других городах нашей страны.

Выражая еще раз благодарность за установку этого памятного знака, мы хотели бы обратить внимание на то, что трагедия мирных жителей Угранского района в этот период не ограничивается только **заживо сожженным населением.**

Так, по архивным данным на территории Восточного и

Знаменского районов, ныне входящих в Угранский, с октября 1941 по апрель 1943 гг. от рук фашистских захватчиков **погибли 6155 мирных жителей** (соответственно по районам 4048 и 2107 человек), а также сожжено множество деревень, что лишило крова не одну тысячу сельчан.

Думается, мы – живые свидетели пережитого, сегодняшние руководители различного ранга и все граждане нашего района – должны, обязаны не дать кануть в небытие, не позволить предать забвению эти чудовищные злодеяния немецко-фашистских захватчиков на нашей родимой земле. Что, предположительно, сегодня надо сделать? Ответ при первом приближении к обозначенному вопросу видится такой.

Увековечить по мере возможности память об оккупационном лихолетье более полно:

- обо всех земляках, заживо сожженных на территории Угранского района;
- о других мирных жителях, погибших здесь от рук фашистов;
- обо всех угранских деревнях, сожженных немецкими оккупантами.

Варианты действий в этом направлении могут быть, конечно, разные. Мы предлагаем следующее.

1. Недалеко от бывшей деревни Новая, за которой в послевоенное время закрепилось название Борьба, ближе к проезжей дороге, выделить поле размером примерно один гектар.
2. На этом поле в определенной последовательности по-

ставить:

- деревянный крест;
- памятный знак (камень), посвященный заживо сожженным;
- памятный знак (камень), посвященный другим мирным жителям, погибшим от рук фашистов;
- памятный знак (камень) с названием всех сожженных фашистами деревень на территории Угранского района.

3. Это поле необходимо учредить как филиал местного краеведческого музея.

4. Просить школы (предприятия) района взять шефство над созданным объектом.

5. При Угранской администрации учредить Фонд добровольных взносов, даров, пожертвований юридических и физических лиц (в том числе зарубежных) для создания, функционирования и развития этого мемориала.

6. Было бы целесообразным поручить районной газете два раза в год (13 марта и 25 сентября) публиковать материалы, связанные с деятельностью Фонда.

7. Считаем необходимым все вышеперечисленные договоренности утвердить на законодательном и исполнительном уровнях Угранского района.

Со своей стороны сообщаем, что мы могли бы принять участие в обсуждении поставленных вопросов и готовы прибыть для этих целей в райцентр в любое удобное для вас время. Мы настаиваем на безусловности наших предложе-

ний: в случае принятия других вариантов решения проблемы также будем активными вашими помощниками.

О вашем отношении к высказанному здесь просим сообщить, желательно быстрее, по адресу: 125371, Москва, 2-й Тушинский проезд, дом 4, кв. 70, Фомичеву Владимиру Тимофеевичу.

Тел. 8(495) 490-24-53. Моб. 8-915-212-02-84.

С уважением,

Фомичев В. Т.,

*уроженец д. Желтоухи, почетный житель
Угранского района, член Союзов писателей СССР и
России,*

Бычков П. А. – *свидетель сожжения заживо
мирных жителей в Борьбе,*

Иванов Е. Ф.,

Мушенков В.М.

15 декабря 2007 года

К 65-летию замолчанной огненной трагедии

Угранская Хатынь

(Рассказ бывшего смертника)

Этого свидетельства могло и не быть, но... 13 марта 1943 года «в деревне Новое Семлевского района Смоленской области немцы загнали в два дома всех жителей деревень Новая, Ломанчино, Криволевка и заживо сожгли. На снимке: оставшиеся в живых 7 человек, которым удалось выползти незаметно для немцев. Слева направо: Бычков Александр – 16 лет, Опенкина Акулина – 42 года, Бычкова Акулина и ее трое детей – Петя 5 лет, Миша 13 лет и Сережа 10 лет. Крайняя справа – Нестерова Мария 67 лет...» (Красноармейская газета «На штурм врага». Март 1943 г.).

По свидетельству документов в деревне Новая (в послевоенное время за ней закрепилось название Борьба) ныне Угранского района Смоленской области отступающие фашисты превратили в пепел 287 наших земляков (это почти в два раза больше, чем в белорусской Хатыни).

Из семерых спасшихся шестеро уже умерли, ныне здравствует только один из них – Петр Афанасьевич Бычков. Он сегодня единственный свидетель и очевидец этого преступления фашистов в отношении мирного населения на Смоленщине.

Разыскать Петра Афанасьевича помогли заведующая Отделом культуры Угранского района ныне покойная Шунен-

кова Лариса Владимировна и заведующая Отделом образования Вяземского района Пронькина Валентина Николаевна.

Впервые мы встретились с ним в Вязьме, где сейчас проживает наш герой, после службы в армии построивший сельский дом в деревушке Фоминское – недалеко от места пережитой трагедии; вместе участвовали в праздновании дня Победы в Вязьме, побывал он у нас в Москве. Между нами, земляками, завязалась настоящая мужская дружба.

Петра Афанасьевича не смогли уничтожить немецкие оккупанты. Трудности военной и послевоенной жизни смоленской деревни только укрепили его волю и характер. Сегодня он живет одной мыслью: воскресить и увековечить память не только о своих заживо сожженных земляках, а обо всех угранцах, погибших от рук немецко-фашистских захватчиков. И делает все, что в его силах.

Мы знаем, что нашему герою трудно возвращаться к испытаниям того страшного 13 марта 1943 года. Но, несмотря на это, памятуя о важности для истории свидетельства очевидца, мы решились просить его рассказать о своей жизни.

Петр Афанасьевич БЫЧКОВ:

– Родился 30 мая 1939 года, был в семье поскребышем. Родители – крестьяне деревни Новая. Отец с Финской – на Великую Отечественную, в 43-м погиб под Ленинградом. В избе находилось восемь человек.

Осенью 41-го сидел на лавке у окна. Увидел: лошади проехали, мотоцикл... Мама сказала: «Это немцы». Они, как пришли, стали требовать: «Яйца, куры...». В нашем доме на ночь не оставались. Мы жили на окраине, кругом лес, – фрицы боялись партизан. Выставили часовых. Отбирали не только еду, но и одежду. Помню себя в лаптях и рваной шубенке.

В 42-м мы хлеб пекли с мякиною. В пищу шли башки клевера, щавель, лебеда, крапива, липник. Собирали мороженую картошку весной и пекли блины-тошнотики. Соли не было, пользовались калийной – удобрением. Опухали от съеденной травы. Попробовали дохлую конину. Многие от такой еды умирали, их возили на кладбище: на повозке, на санках.

Начали отбирать и угонять в Германию трудоспособную молодежь. Из нашей семьи взяли в рабство Нину и Надю.

Помню, как прятались в лесу, когда немцы собирались всех отправить в Германию, как загоняли в сарай без окон и крыши, как убегали от перепившихся часовых, как мать прятала меня за баней, накрыв большой кадушкой, как в Ломанчине расстреляли лечившихся в госпитале...

Самым страшным стал март 43-го, когда немцы начали отступать. По всей округе объявили, что будут давать продукты. Собрали и малого, и старого в деревне Новая (Борьба). Здесь также оказались гришинские, шумаевские, ломанчинские, криволевкские, федоровские, с Ельни два человека. Находились наши раненые солдаты, которые прятались

на чердаках. Один молоденький говорил: «Если останусь живой – дам о себе знать, напишу или приеду».

Все ходячее население построили в шеренгу по четыре человека и погнали протаптывать дорогу до деревни Гришино. Ее сожгли полностью и всех пригнали под охраной обратно. А те, кто не мог идти, старые да малые, находились в деревне Новая в огороже – колючая проволока в два ряда. Их охраняли часовые. Окна забили, стены обложили соломой. Тех, которые протаптывали дорогу, тоже загнали в эту хату и никого не выпускали.

Примерно часов в шесть подожгли. Мы всей семьей стояли около двери с солдатами, которые хоронились у нас. Часть дома, покрытая соломой, являлась жилой. А во второй не было потолка и пола, что нас и спасло. Когда подожгли, люди напирала на окна, на двери и попадали под автоматные и пулеметные очереди.

Двери выбили, колючая проволока наклонилась от натиска толпы. Солдаты сказали: «Первого часового сбиваем...». В этом замешательстве и под покровом дыма они хватали таких маленьких, как я, кто был под рукой и кидали через проволоку, в снег. Это произошло, когда отвлекся часовой, а может, сбили солдаты. Спаслись от огня многие, но их расстреливали, а мы первые по дыму ушли.

Затем сидели под дубом, пока совсем стемнело. Немцы стали стрелять в нашу сторону из миномета. Мать испугалась за наши жизни, всех увела в лощину, дальше в лес. А

потом мина попала под дуб, где мы спрятались, и вывернула его с корнем.

Ночевали в дяди гришином лесу (дядька наш), сидели в лапнике, сбившись в кучу. Нам были слышны крики, стоны, вопли, плач. Они слышались в округе за десять километров.

Рано утром раздались голоса женщин со стороны дороги Дуденки-Федоровское. Мать вышла из укрытия, увидела наших разведчиков на лыжах и в белых халатах. Узнав ее, женщины позвали посмотреть, нет ли живых на пожарище. Они же первыми сообщили разведчикам, что нам удалось избежать сожжения.

Пришли на страшное место. Живых нет никого. На снегу лежат убитые. В первой половине, где были пол и потолок, узнать кого-либо было невозможно. Во второй же – у кого были обгоревшие ноги, руки, голова... А чтобы их было не узнать, или чтобы они больше сгорели, немцы пособирали в деревне повозки, сани, кадушки, солому и положили на людей, запалив все это. Одна застреленная женщина лежала недалеко от дома: штыками были исторканы лицо и грудь. В Бордюковом дворище живьем бросили семью в колодец.

Вскоре тут проходила фронтовая воинская часть, наши солдаты увидели зверства немцев, сделали снимки, написали о происшедшем в своей газете. Ушедших до срока из жизни похоронили в двенадцати братских могилах. Местные жители установили временное надгробие, ухаживали за погребениями. А деревня Новая стала называться Борьбой. В честь

людей, которые боролись за жизнь. И колхоз тоже получил имя «Борьба».

Когда мы убегали, меня ранило осколком в ногу, шрам виден и сейчас. Также была сломана левая ключица. При угоне сестер в Германию я стал заступаться – немец ударил меня головой о кованый сундук. Он разбил мне темя, вмятина тоже сохраняется до сих пор.

Владимир Фомичев, Виктор Мушенков:

– Мы наблюдаем странное явление, если не что-либо другое. Массовое сожжение фашистами населения захваченных деревень не воспринимается как величайшая трагедия в жизни нашего народа. Что это – организованное забвение или просто наплевательское отношение к отечественной истории? Борьба и другие окрестные деревушки вымерли, где стояли – безлюдная и бездорожная «новая русская» тайга.

Непонятно, почему нигде, в том числе в Угранском краеведческом музее, нет ни одного упоминания о происшедшем, равно как и в Смоленском музее Великой Отечественной войны. Смоленские Хатыни (их более пятидесяти) не фигурируют даже в военных энциклопедиях.

Пожалуй, лишь косвенно в стихотворении М.В. Исаковского «Враги сожгли родную хату» затронута тема заживо сожженных мирных жителей России. В первой же строфе поэт говорит о врагах, «сгубивших всю семью» солдата-победителя, что, вероятнее всего, могло произойти при массо-

вом предании огню немецкими фашистами детей, женщин и стариков. При других видах изуверств подонков-захватчиков полное погубление семей советских воинов все же не было таким тотальным. Весьма удивительно, что тема российских Хатыней, которых, по нашим предварительным подсчетам, в России не менее пятисот, напрямую не затрагивалась российскими литераторами всех трех поколений, обязанных знать об огненных трагедиях, – фронтового, детей войны и внуков победителей. И только в последние годы вышли едва ли не единственные публикации В. Фомичева – в жанре писательской публицистики – «Слепая память», «Великорусские великомученики», «Память, схожая с забвением» и баллада «9 мая 2007 г.». Последняя посвящена священной памяти 287 ни в чем не повинных граждан, превращенных в живые факелы гитлеровцами на отеческой земле в деревне Борьба на Смоленщине.

Отрадно, что, хоть и спустя почти 64 года, благодаря хлопотам Петра Афанасьевича на месте трагедии появился памятный знак, посвященный этому событию, который был установлен угранскими властями. Вместе с тем следует обратить внимание на то, что злодеяния немецко-фашистских захватчиков не ограничились только сожжением мирных граждан. Западноевропейские негодяи уничтожали их и другими способами: расстреливали, вешали, кололи штыками. Кроме того, начисто сожгли почти все деревни в Угранском районе.

Об этих злодеяниях оккупантов должны знать наши по-

томки. Поэтому вместе с инициативной группой наш герой обратился с письмом к главе муниципального образования «Угранский район» Володovu В.Ю. и председателю Угранского районного Совета депутатов Андрееву П.С. с конкретными предложениями об увековечении памяти о жертвах невиданной трагедии в Борьбе и других погибших от рук фашистов земляках. В частности, о выделении вблизи жуткого места одного гектара земли для создания народного памятника «Поле заживо сожженных», установлении памятного знака в честь тех угранских мирных жителей и деревень, которые были уничтожены оккупантами.

Как видим, не о себе печется Петр Афанасьевич Бычков. На таких держится русская земля.

Владимир Фомичев,
Виктор Мушенков -
угранцы, ставшие москвичами.

***Газета «Рабочий путь»
от 28 февраля 2008 г.
на совещании в Угре***

Тезисы выступления Владимира Фомичева 28 марта 2008 года на совещании представителей администрации, совета депутатов и общественности угранского района

1. Всем доступны основные публикации последних девяти месяцев о массовом сожжении 13 марта 1943 г. 287 наших земляков в деревне Новое-Борьба вместе с жителями Ломанчина и Криволевки, позорном забвении на родине, а также в области, в России великорусских великомучеников (см. газеты «Московский литератор», «Рабочий путь», «Искра», альманах «Академия поэзии», журнал-газету «Тюмень литературная», литературный интернет-журнал «Молоко» («Молодое око»), поэтическую книгу В. Фомичева «Дом над Угрой», сборник «О писателях и книгах»).

2. Дополнительные сведения об огненной трагедии и «памяти, схожей с забвением» есть в нашем с П.А. Бычковым и другими письме 15 декабря 2007 г. руководителям района и моем выступлении на совместном заседании Совета учредителей и Главного совета Союза русского народа – я распечатал эти тексты и вам раздал.

3. Не буду повторять содержание вышеупомянутых мате-

риалов.

4. Тема моего выступления сегодня – об открытии 9 мая 2008 г., в День Победы, мемориала «Поле заживо сожженных». Думается, для этого имеются все возможности. Во-первых, мы принимаем решение о его создании; во-вторых, делаем памятник по типу «Катюшиного берега» во Вскодах, народный вариант которого, как известно, победил профессиональные. То есть абсолютно ни от кого и ни от чего не зависим. Все в наших руках.

Что, на мой взгляд, надо сделать?

Срубить самую высокую сосну; обуглив ствол, изготовить из нее крест и установить на определенном месте.

Сбить из досок стенд, покрасить черной краской, написать на нем большими красными буквами «Поле заживо сожженных» и поставить рядом с крестом.

Около них соорудить поминальные столы и скамейки, как это сделано на кладбище в Глотовке, что я видел 20 лет назад.

Материал креста, стенда, столов и скамеек – дерево, его в избытке на Угранской земле. Любые местные мужчины могут выполнить простые работы по их созданию. На изготовление названного требуется всего неделя или две, плюс на установку – пара дней. Таким образом, минимум три недели останется на оповещение населения и приглашение гостей на открытие памятника. Поставленная цель, безусловно, объединит угранцев, различные общественные силы «малой ро-

дины» И. Соколова-Микитова и М. Исаковского, наполнит жизнь высоким смыслом.

Пусть праздник 9 мая в году 65-летия освобождения района и всей Смоленщины от немецко-фашистских оккупантов, году 65-летия массовых сожжений и других неслыханных бед населения Угранского края, запомнится каждому земляку, особенно юным, начинающим земной путь, еще и как необычный, неповторимый день священной зримой памяти потомков о неслыханных жертвах Великой Отечественной войны!

В смоленскую газету «Рабочий путь»

Н.Н. Кеженову

19.04.2008

Дорогой Николай Николаевич!

Огромное спасибо за важную публикацию в «Рабочем пути» (28.02.08) – свидетельство бывшего смертника при массовом сожжении мирных жителей 13 марта 1943 г. П.А. Бычкова. Дорого и то, что «РП» продолжил тему «Угранская Хатынь» – напечатал решение районного Совета депутатов о предоставлении гектара земли для создания «Поля заживо сожженных» (10.04.08). Документ появился на свет благодаря нашим общим усилиям. Надеюсь, что 9 мая вместе и откроем этот необычный мемориал. Приезжайте на Угру, а я

с друзьями, угранцами-москвичами, там буду обязательно. Естественно, в церемонии примет участие Петр Афанасьевич Бычков со своими родными и близкими.

Сама собой напрашивается в определившемся направлении еще одна «работа на всех заинтересованных», о чем я хочу продолжить начатый с Вами по телефону разговор. Имею в виду следующее.

Недавно мне дали на некоторое время книгу А. Адамовича, Я. Брыля, В. Колесника «Я из огненной деревни...» (Мн., 1977. 464 с. с ил., две гибкие пластинки. 50 000 экз.) Твердый переплет, прекрасная бумага. По ее типу мы, как мне представляется, могли бы в этом году, 65-летия освобождения Смоленской области от жутких зверств немецко-фашистских оккупантов, в том числе угранской Хатыни, выпустить свой сборник «Поле заживо сожженных» или хотя бы подготовить его рукопись. Пусть меньшим фяч объемом, тиражом. Пусть в мягкой обложке.

Я думаю, для такого издания все материалы уже имеются, их надо только собрать воедино. А именно:

1. Очерк О. Лонского «Тайна бункера Гитлера», опубликованный в трех номерах «РП» в июле 1988 г. под рубрикой «Из журналистского блокнота». Газетные вырезки этих публикаций «смоленский поэт и публицист Николай Кеженов прислал» В. Фомичеву (см. книгу Вл. Ф-ва «ПТ»: Слово редактора», М., 2003, стр. 308). Орик Иванович, к сожалению, умер, но у его родных, близких наверняка есть и это произ-

ведение, и еще интересующие нас тексты, иллюстративные материалы. В энциклопедии Смоленской области о нем писал В.В. Королев – можно, например, к автору обратиться;

2. Февральская и апрельская публикации сего года в «РП»;

3. Вещи В. Ф-ва, названные в первой;

3. Фотоархив семьи Бычковых;

4. Материалы об открытии «Поля заживо сожженных» 09 мая 2008 г.;

5. Отзывы читателей на публикации по теме истребления в пламени гитлеровцами детей, женщин и стариков, иных зверств оккупантов;

6. Срочно можно еще записать некоторых свидетелей огненных трагедий или лиц, хорошо знавших великомучеников.

Предлагаю Н.Н. Кеженову, В.М. Мушенкову, П. А. Бычкову, Е.Ф. Иванову, В.В. Королеву вместе со мной вой ти в инициативную группу. Желая побыстрее встретиться и обговорить эту идею. Обнимаю Вас.

С искренним уважением, Владимир Фомичев.

Выступление на «Поле заживо сожженных»

9 мая 2008 года

Дорогие мои земляки-угранцы и гости района!

С особым чувством, от всей души поздравляю всех здесь присутствующих со светлым праздником Великой Победы нашего народа в гигантской битве за родную землю, главным праздником в жизни поколений фронтового и детей войны, к которому принадлежу я сам. Разрешите передать горячий привет от уроженцев Угранщины и в целом Смоленской области, проживающих в столице.

Ныне торжество совпадает с новым счастливым событием – открытием мемориала «Поле заживо сожженных» как естественной памяти человека о прошлом, о героизме, о священных жертвах для увековечения утаиваемых реалий новейшей истории. Этот памятник – и свидетельство чести всех проживающих сегодня в районе граждан, признательности потомков жившим перед ними соотечественникам. Мы выражаем неизбывную нежность и благодарность за мужество, сохранение светлой души и добролюбие живому свидетелю неслыханного предания пламени 13 марта 1943 года

287 мирных граждан в деревне Борьба, ставшему смертником в дошкольные годы и находящемуся сегодня среди нас, низко кланяясь ему, Петру Афанасьевичу Бычкову. Он соединил нас в сердечном чувстве священной памяти о заживо сожженных земляках. Скрытными действиями недруги Отечества 65 лет рвали душу П.А Бычкова. Надеемся, что она сегодня успокоится в нашем дружеском кругу.

Большой и сложный путь лежит к созданному мемориалу, который сегодня открываем, спустя 65 лет после огненной трагедии, – самого страшного несчастья за всю историю жизни людей на Угранской земле. Почему существовало длительное забвение, в течение десятилетий, того, о чем даже трудно рассказывать? Такое умалчивание «позора несказанных преступлений», как выразился о гитлеровских злодеяниях в России Черчилль, разве само по себе не является откровенным злодейством? Как так получилось, что факт угранской дважды Хатыни стал для нас поразительной находкой? Это же не трудно добываемые разведкой данные. Кто может объяснить, в чем тут дело? Почему Родина превратила в безмолвие вопли факелов из крови и плоти – десятков своих граждан? Почему 15 лет как нет «коммунистической тирании», а замалчивание то же? Почему делают все, чтобы как можно больше тормозилось увековечение памяти о погибших мирных жителях России, в том числе заживо сожженных? Почему не слышат воззваний мертвых к потомкам, к их совести? Наконец надо поставить диагноз этой

болезни жуткого беспамягства, которое продолжается десятилетия! По фактам замалчивания надо объявить проверку.

Не поминают усопших только собаки, кошки и т. д. У православных же существует Радуница – старинный обряд поминовения умерших на послепасхальной неделе. Вспомните с этим связанные выражения – «Фомина неделя», «Красная горка». Придет на ум и такой факт: первый поэтический сборник Сергей Есенин назвал «Радуница». Буквально все народы, начиная с крошечных племен, устраивают подобное общение с жившими ранее них. У мусульман, например, после Рамадана есть три обязательных дела, одно из них – помянуть ушедших в мир иной, как делали бесконечные поколения наших предков на Радуницу. Если мы утратили такую нерушимую в веках традицию, то, пожалуй, перестали быть людьми в полном смысле этого слова. Мы, сама собой возникает мысль, уподобились животным, коль не приходили в течение многих лет даже к могилам великомучеников в Борьбе, которых постигла такая ужасная гибель. Похоже, мы дразним судьбу, когда так античеловечно относимся к усопшим. За организованным замалчиванием трагедий, подобных той, что стряслась в Борьбе, явно чувствуется затаившийся убийца основного этноса России.

Враги Отечества преследуют цель скрыть великую трагедию русского народа, когда выдвигают провокационный миф о его «фашизме», да еще и «страшнее немецкого». Почему такие чудовища не потеряли полного расположения наше-

го племени? Не из-за таких ли предсмертные крики великомучеников стали молчанием? А как стало возможным, что даже в энциклопедии «Смоленская область», выпущенной всего пять лет назад, нет упоминаний о множестве случаев (более пятидесяти) сожжения заживо мирных жителей родного края? Число упоминаний подобных огненных трагедий на оккупированных гитлеровцами территориях всей России требуется удесятить.

Сегодня на Угранской земле происходит чудо. Мы получаем исцеление, исправление своей собственной жизни. Есть невидимая сторона осуществляемого действия – Божественная благодать. Мы смотрим на все духовными глазами. Перед этим унизившись до терпимости, замолчанные, заявляем миру о себе. Правильно задуманная акция – это и мистический ритуал с обращением к нашему Богу Иисусу Христу. Будем и впредь жить в православном мире, отринув бесовщину! Народ истребляют бессмысленностью, но мы ныне дружно ополчились против нее. Каждому дано продолжить начатое, дел хватит на всех: искать фамилии замученных, названия сожженных деревень, записывать обстоятельства их гибели, обустраивать мемориал и т. д.

На поле шулеров выиграть невозможно, потому что они пользуются краплеными картами; со стопроцентной гарантией обставят порядочных, соблюдающих правила людей. Но зато на нашем поле – справедливости – мы можем только победить, а они – проиграть. Создание памятника невинным

жертвам, при открытии которого присутствуем, – тому яркий пример.

Теперь сюда может прийти любой: помолиться у креста, оставить цветы, справить трапезу за поминальными столами, думая о минувшем, настоящем и грядущем, о брэнности и бессмертии, о безгрешных мучениках Великой Отечественной войны.

Вечная им память! Вечная память! Вечная память!

Самые отзывчивые в стране

В моем Угранском районе Смоленщины, где я родился и вырос, с которым никогда не теряю связи, жили и живут в своем большинстве, я бы сказал, углубленные творческие люди. Двум из них я посвятил отдельные разделы в недавно вышедшем сборнике «О писателях и книгах»: Иван Соколов-Микитов и Михаил Исаковский. Эти имена мастеров слова общеизвестны. Но здесь я хочу сказать о двух своих земляках управленческой сферы, к которым тоже можно отнести подобные оценки, естественно, в масштабах деятельности на арене района. Однако их труд дал в важнейшем гражданском деле результаты большие, чем пребывание на должностях в течение десятилетий многих руководителей общедержавного и областного уровней. Я говорю об и.о. главы муниципального образования «Угранский район» Александре Александровиче Ермакове и председателе Угранского районного Совета депутатов Павле Сергеевиче Андрееве. Вот подтверждения их драгоценного и, не побоюсь этого слова, великого творчества на, казалось бы, сугубо «сухих» чиновничьих постах. 26 марта с. г. А.А. Ермаков и П.С. Андреев подписали решение № 17 райсовета депутатов о выделении «в бывшей д. Прасковка вдоль дороги Угра-Знаменка 1 га земли для размещения мемориала в память о земляках, заживо сожженных, и других погибших от рук фашистов на

территории Угранского района». В короткий срок выделенный участок, что называется, облагородили, установили на нем высокий крест, поминальные столы со скамьями, стеллажи, название.

В День Великой Победы, 9 мая, А. Ермаков, П. Андреев, другие руководители района торжественно открыли мемориал, батюшка освятил его. Присутствовали и приняли участие в церемонии группа писателей и ученых из Москвы, смоленские издатели и журналисты, многие жители п. Угра и окрестных деревушек. Главным действующим лицом был Петр Афанасьевич Бычков, оказавшийся в пятилетнем возрасте смертником при массовом сожжении гитлеровцами в д. Борьба 287 мирных сельчан 13 марта 1943 г. Он ныне – единственный свидетель и очевидец этого преступления фашистов, из семерых спасшихся тогда шестеро уже умерли. Накануне, 28 февраля, смоленская газета «Рабочий путь» опубликовала воспоминание П.А. Бычкова «Угранская Хатынь», а 10 апреля это же издание напечатало решение Угранского Совета депутатов о мемориале.

Я в своем выступлении при его открытии назвал этот необычный памятник «Полеом заживо сожженных» и сказал: «Большой и сложный путь лежит к созданному мемориалу, спустя 65 лет после огненной трагедии, – самого страшного несчастья за всю историю жизни людей на Угранской земле. Почему существовало длительное забвение, в течение десятилетий, того, о чем даже трудно рассказывать? Такое умал-

чивание «позора несказанных преступлений», как выразился о гитлеровских злодеяниях в России Черчилль, разве само по себе не является откровенным злодейством?».

Продолжая эту мысль, хочу обратить внимание на то, что лично я примерно двадцать лет настаиваю на всех возможных трибунах о необходимости создания памятника заживо сожженным мирным гражданам России. Мест, где происходили эти жуткие аутодафе, только на Смоленщине было более пятидесяти, а во всех оккупированных гитлеровцами областях, думаю, – не менее пятисот. У меня появилось немало единомышленников, поддерживающих идею материального воплощения страданий великорусских великомучеников. Друзья на этом поприще, зачастую моложе меня, тоже бьют во все колокола по поводу беспримерного беспамятства. Однако их не слышат. На митинге 9 мая в бывшей д. Прасковка в одном выступлении было сказано, что в минувшем году группа энтузиастов отправила письма об этом в адреса важнейших четырех лиц державы, но в ответ – молчание, ни одного ответа они не получили. В ситуации более чем полувекового бездействия в указанном направлении и Кремля, и областных органов осуществленное руководителями Угры является подлинной глубиной осмысленной народной жизни. А. А. Ермаков и П. С. Андреев оказались самыми отзывчивыми руководителями в стране, чем я несказанно горжусь как их земляк.

Ни в одной энциклопедии, даже посвященной Великой

Отечественной войне и оккупированным немецкими фашистами областям, практически ничего нельзя найти о десятках сотен российских Хатыней. Однако угранским «вождям» уже после 9 мая удалось узнать, что на нынешней территории района, образованного из Выходского и Знаменского, была не одна, а целых три Хатыни. Тому нашлось подтверждение на странице 196 сборника очерков «Твой след на земле» (Смоленск, 1985). Книгу привез в Угранский район 09.05.2008 г. В. В. Королев. В противопоставление ужасной «забывчивости», если за этим не стоит что-то более страшное, множества других своих коллег Александр Александрович Ермаков и Павел Сергеевич Андреев заказали для «Поля заживо сожженных» каменную доску с уникальной надписью, и в осеннем сентябре, в канун годовщины 65-летия освобождения Смоленщины от немецко-фашистских оккупантов, ее там установили:

«В Угранском районе немецкие фашисты при отступлении в 1943 году заживо сожгли 287, 175 и 280 ни в чем не повинных мирных русских жителей, половина из которых дети, – в Борьбе, Заречье, Знаменке.

Вечная им память».

*Газета «Правда», № 103 (29301), 23–24 сентября
2008*

Три кошмара

Этим летом, 12 июля 2008 года, я написал стихотворение «Шквал забвения», предварив его эпиграфом не только о трех массовых сожжениях немецко-фашистскими оккупантами беззащитных женщин, стариков и детей в районе, в котором родился и вырос, и о тотальном пренебрежении к этим сверхжутким трагедиям государства и центральных средств массовой информации.

Что значат названные, никогда до того невиданные кошмары, если говорить о числе жертв? Пять Хатыней! Ибо в бывшей белорусской деревне западноевропейские выродки превратили в пепел 149 человек, а в моем районе – 742.

И что значит беспамятство в отношении священных мест моей «малой родины»? Оно равносильно стиранию памяти о столице 10-миллионной империи ацтеков Теночтитлан, разрушенной в 1521 году испанскими завоевателями, и основанию на ее месте Мехико – главного города сначала вице-королевства Новой Испании, а затем современного государства Мексика. Совершенно сознательно одним закрыли другое с целью полного уничтожения народа и завладения его землей. Такой же дьявольской исторической теркой был уничтожен в Малоярославце памятник Отечественной войне 1812 года – на его месте установили монумент в честь Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Как будто нельзя было иметь

оба символа доблести, например, рядом. Все видели бы дважды воинскую славу города, но... временщикам требовалось умолчать о могуществе дореволюционной России. Абсолютна аналогична манипуляция Храм Христа Спасителя – Дворец Советов, как и множество других похожих.

С помощью таких логических аргументов можно догадаться, для чего сверхцинично молчат о трех угранских Хатынях, десятках на всей Смоленщине, сотнях во всей России. Согласитесь, не ради же глубокого нашего с вами счастья, дорогие мои? Моя метафора «шквал забвения» применима к бесовщине еще большего градуса – превращению в безымянную биомассу, с отменой национальности, более 80 процентов населения державы, называвшегося совсем недавно русским народом, бывшим всего столетие назад вторым в мире по численности, а по выражению друга Александра Пушкина П. Чаадаева – «самым могущественным в мире»! Тем самым внаглую стирают генетическую память этноса. Вспомните А. Суворова: «Мы – русские. Какой восторг!». Жесточайшим образом нас заставляют забыть такие исторические факты. Здесь поименованные чистейшей воды абсурдные ситуации выстраиваются в один ряд русской трагедии XX-XXI веков. Кто в ней виноват? Практически нет доступа к данным о положении нашей нации. Я лично усомнился в официальных версиях об этом, как Тьерри Мейсан и Джульетто Кьеца – в изложенных верхами США причинах взрывов башен-близнецов. То, что о нас, например, говорят

тоном обвинения с российского телеэкрана, не выдерживает никакой критики. Подобное иначе как травлей назвать нельзя. На одну такую нелепость я ответил короткой эпиграммой, с содержанием которой, надеюсь, вы все согласитесь.

На пропагандирующего «русский фашизм»

*Ради жизни¹ как герой
Вел Иван с фашизмом бой. —
Врешь ты, сукин сын чумной.*

Правильный взгляд на все существует в народе. Лишь он помогает избавиться от иллюзий. Тому яркий пример – действия руководителей моего района, почетным жителем которого являюсь. Я рассказал о них в статье («Правда», № 103, 23–24 сентября 2008 года) и предлагаю ее вашему вниманию.

Выступление 26.09.08 в Смоленском энергетическом институте на Конференции в связи с подготовкой к 1150-летию Русской государственности

¹ Из главной поэмы о сокрушении коричневого зверя в годы Великой Отечественной войны – Александра Твардовского «Василий Теркин».

Поперечные мысли

(С открытым письмом С.В. Михалкову, отрывок)

«В первом номере газеты (*«Пульс Тушина»*, ноябрь 1989. – Изд.) Вы знакомили читателей с рядом руководителей Тушинского района, – пишет, обращаясь ко мне, один из корреспондентов. – Надеюсь найти интересующие меня, да, конечно, не одного меня, подобные сведения и о Вас в следующем номере». Что ж, знакомиться так знакомиться.

Сын Тимофея и Аксиньи – смоленских крестьян из-под Вязьмы.

В раннем детстве пережил фашистскую оккупацию, хорошо знаю нелегкий крестьянский труд. Окончил на родине сельскую семилетку, а затем в Москве – энергетическое отделение политехникума и историко-филологический факультет Государственного пединститута.

Служил в бронетанковых войсках, трудился разнорабочим, проводником, учителем, директором школы, старшим инженером газовой промышленности, журналистом – в различных районах страны, в том числе пять лет на Крайнем Севере в Тюменской области. Последние годы живу в Москве, редактировал книги в издательствах «Современник» и «Правда», возглавлял газету столичных писателей «Московский литератор». Автор поэтических сборников. Член двух творческих союзов: Союза писателей СССР и Со-

юза журналистов СССР.

Читатели также выразили желание, чтобы я периодически выступал с изложением своих взглядов по острым общественным проблемам, как в статье «Попранная гордость великороссов». Охотно отзываюсь и на это. Итак, сегодня о том, что у всех на слуху, но мало кому до конца понятно, – об историко-патриотическом движении «Память».

22 мая 1987 года статьей Е. Лосото в «Комсомольской правде» было начато и дружно поддержано другими ведущими периодическими изданиями очернение этой общественной деятельности, травля членов и активистов «Памяти», продолжающиеся и по сей день. Однако, к сожалению, почти никто не читал газетных и журнальных материалов, авторами которых являлись бы сами представители нового гражданского устремления. Мне известно лишь одно такое полноценное выступление – учителя средней школы из подмосковной Купавны Александра Штильмарка «Память: мы – за духовное возрождение Отечества» («Собеседник», № 23, июнь 1989). Таким образом, средства массовой информации действуют не в духе плюрализма, а в соответствии с раскритикованным ныне принципом «Не читал, но осуждаю», как в свое время при дискредитации романа Б. Пастернака «Доктор Живаго». Не дают слова на страницах печати и тем, кто в «Памяти» не состоит, но пытается объективно разобраться в деятельности этого объединения, склонен в целом относиться к нему положительно. Таких материалов, как мне стало

известно, поступает в разные редакции значительно больше, чем негативных, но все они остаются под спудом, не доходят до советских читателей.

Примером тому может служить зарубленное два года назад «Литературной Россией», «Литературной газетой», другими печатными органами мое «Открытое письмо С.В. Михалкову». Это письмо было написано как ответ на бездоказательную, как представляется, публичную критику маститым писателем историко-патриотического движения, ответ – противоположный взгляд на то же самое.

Почему в наше перестроечное время письмо не нашло издателя? Полагаю, что размышления общественности над причинами сокрытия его и множества ему подобных корреспонденций несомненно будут способствовать активизации благотворных, но трудно идущих некоторых процессов современности. Предлагаю этот документ вашему вниманию.

Открытое письмо Сергею Владимировичу Михалкову (отрывок)

Прочитал в последнем номере «Литературной России» ваше высказывание об одном из самых благороднейших проявлений современной общественной жизни – историко-патриотическом движении, которое вы совершенно бездоказательно обвиняете в «национализме, шовинизме и антисемитизме», и хочу в этом письме выразить полное несогласие с вами. «Зачем это ему, такому опытному и заметному, советских людей напраслиной удивлять?» – спросил я и не нашел ответа на вопрос.

Развивая свою мысль, не могу не сказать, что мне, как и подавляющему большинству русских людей, от имени которых выступаете, глубоко симпатичны идеи, цели и основные действия членов объединения «Память» – во всех уголках страны. Считаю, в отличие от вас, их подлинно, деятельно и бескорыстно, по врожденному чувству любящими Родину людьми...

Если вы «настоящий российский интеллигент», то почему не говорите о том, что в Российской Федерации, где было больше всего Хатыней и Лидиц, до сих пор нет в большинстве случаев памятников на их местах, нет самого символа

гибели мирного русского населения во время Великой Отечественной войны? В моем родном Угранском районе Смоленской области гитлеровцы сожгли вместе с деревней Борьба 287 мирных жителей – почти в два раза больше, чем в Хатыни, но на месте Борьбы нет не только соответствующего трагедии памятника, а и дорога туда заросла (см. примечание 1)...

15 июля 1987 года

Примечание 1

Соккрытие информации – очень серьезное преступление. Смертоносный необольшевизм перенял его эстафету от Политбюро ЦК КПСС. Так, лжедемократы, подобия людей, продолжают замалчивать трагедии российских Хатыней. Только в одной Смоленской области в адском пламени было сожжено почти семь тысяч мирных жителей, а всего их здесь уничтожено более 500 тысяч. Эти цифры, применительно ко всем оккупированным гитлеровцами территориям России, похоже, требуется увеличить примерно в десять раз. Однако в стране и в год шестидесятилетия Великой Победы никто не сказал о них на государственном уровне; не провели системные исследования, не поставили общенациональный памятник жертвам, которые исчисляются миллионами, – памятник человеческим страданиям в результате

небывалого холокоста стариков, женщин, детей на Русской Земле.

К настоящему времени положение даже усугубилось. Общегосударственные символы гибели гражданского населения во время кошмарного нашествия на нашу страну иноземцев – Хатынь и Бабий Яр – оказались за границей, а в России похожего мемориала нет. Такое отношение к народной памяти лишь демонстрировали триста лет назад окончательно покорившая Китай Маньчжурская династия да в конце XVIII века колониальные режимы управления в Австралии и Океании...

*Владимир Фомичев. О писателях и книгах.
Москва-«Смядынь», 2007, стр. 15–20.*

Слепая память

Март 1943 года. Смоленщина. Входили в сердце острой болью зарева полыхавших соседних деревушек, особенно зловещие глубокой ночью. Затем «культурная нация» добралась и до наших Желтоух, хотя деревушка находилась почти в полутора километрах от большака, магистрали передвижения гитлеровских войск. Разъяренные при отступлении разбойники полностью проявили тогда свой звериный нрав, наполнив горелой вонью самые отдаленные уголки лесного края. Наверно, помните строки Михаила Исаковского из стихотворения как раз о наших местах «Есть во Восточном районе...»: «Ничего от деревни моей не осталось, ничего – ни кола, ни двора»?

Как заколотилось сердце, когда запылала своя кровля! Селение сторело дотла, кроме трех расчетливо оставленных изб: в середине и по краям кладбища нашего соснового жилья. Объявив, что всех до единого сожгут, загнали старых и малых в одну избу, но затем, изуверски испытав жутью, все же выпустили и запалили хату. Видно, продляли садистское удовольствие, хотели извести бедных сельчан до смерти страхом. Операцию один к одному повторили в следующей оставленной избе. Не удовлетворившись этим устрашением, кровавые чудовища в конце концов уже в единственно сохранившемся пока доме заставили всех нас дожидаться

смерти примерно шесть часов. Двери его заколотили, у каждого окна выставили по автоматчику, готовя жестокую казнь. Эту избу подпалили вместе с нами, а потом, когда красный дракон ринулся на приготовившихся к кончине, внезапно открыли дверь, через которую мы все хлынули на волю.

Никто до сих пор не знает истинной причины тогдашнего «милосердия» фашистских гадов. У нас немало ходило на этот счет легенд, предположений. Теперь, спустя многие годы, зрело размышляя, я пришел к твердому выводу-убеждению, что наши палачи в последний момент испугались возможной конкретной мести красноармейцев, которые уже наступали им на пятки. И не решились к своим чудовищным злодеяниям добавить еще одно. Ибо эта месть в таких случаях была ужасной для карателей.

Один земляк из Гжатска рассказал мне, что он, тогда еще подросток, стал однажды свидетелем того, как яростно, в неудержимом порыве гнева, осуществил грозное правосудие передовой отряд наших бойцов над самими фашистскими поджигателями, застигнув их на месте подобного преступления. «Бросали пойманные фрицевские морды в костер по одному, – говорил рассказчик. – Каждый дико верещал, как заяц, и лишь синий столб огня поднимался на месте крика. Видно, не зря говорят: «Гореть тебе синим пламенем!». Такого оно цвета бывает, когда людской плотью костер поддерживают».

Самозваные претенденты на мировое господство, палачи из палачей, проводили откровенный и омерзительный геноцид! В поэтическом цикле «Прицельные грома» я завершил стихотворение о перенесенных мной и однодеревенцами мучениях того далекого дня сорок третьего года следующим четверостишием:

Враг прямо в сердце метил,
Гудел огонь в пазах...
Ему до самой смерти
Гореть в моих глазах!

Да, законченные выродки – тогдашние новые учителя «варварской России», показав воочию свое каннибальство как лицетворение русоненавистнического Запада, влили в наши души до скончанья дней неизбывную горечь, которая постоянно возвращает к страшному пережитому. И потому всегда в минуты размышлений об ошеломляющих сороковых сами собой приходят под давлением тяжелого опыта прошлого видения пылающей России, воспоминания о тогдашних муках честного и простого деревенского народа, как будто все происходит сейчас.

И вот представьте, сожгли бы нас тогда, а сейчас, по прошествии пятидесяти семи лет, никто бы об этом случае ни разу не вспомнил публично, то есть общественное сознание забыло бы нас совсем, а значит, забыл бы народ, несмотря на весь ужас трагедии. «Да полно, возможно ли это?» – вос-

кликнете вы. Однако, увы, в нашей действительности подобных фактов предостаточно, что называется, пруд пруди. А они, как известно, вещь упрямая: к ним и перейдем.

Довелось не так уж давно целый месяц провести в отчей Смоленской области, а последнюю треть этого срока – в исчезающей деревеньке Дуденки, в которой всего оставалось пять жителей, причем только один работоспособный. Бывало, на моей еще памяти, один мужицкий угол насчитывал в два раза больше едоков. С неистовой скоростью губит себя наша родина, если учесть, что речь идет о краях, расположенных всего в трехстах километрах от Москвы! Через нитяную речушку Серебрянку – такой же населенный пункт Клетки, правда, полностью обезлюдевший, хотя от непригляда покосившиеся и лишенные крыш, стекол, дверей дома стоят в живописнейшем окружении природы. Жил да, глядя на мерзкое запустение, тужил. О большем же горе ничего не предполагал, не ведал, а узнал – мороз по коже пошел. Оказывается, всего в километре с небольшим нацистские живоглоты предали огню деревню Борьба с 287-ю ее мирными жителями. Отчаянные крики испускавших дух своими ушами слышала доживавшая в Дуденках последние дни, родившаяся тут же и никуда не уезжавшая тетя Маруся.

– Наши деревенские убежали вон в те кусты и спрятались, потому что нас тоже могли уничтожить, как и соседей, – говорила она, и, свесив голову, добавила: – Это ж надо быть такими нелюдями, чтобы даже детей не пощадить!

– И никто не спасся?

– Три человека. Старуха восьмидесятилетняя по нужде запросилась – сказали: «Иди и больше не приходи», да два мальчика, по четвертому году каждый, улизнули. Потом, уже взрослыми, они померли. Никого из тех не осталось на свете.

Не возродилась Борьба, как птица Феникс из пепла. Где стояла, разросся бурьян. Пришла в упадок окрестность. Даже место трагедии тому, кто родился не здесь, невозможно отыскать, дорога туда заросла. Служим Мамоне, злословим, развлекаемся, гоняемся за бестселлерами, не задумываясь над тем, что предсмертные надежды истреблявшихся на нашу вечную память о них оказались ложными – мы забыли, что такое случилось у нас. Что это, как не атрофия памяти, как не бездуховность, как не позор, в конце концов? Сколько мы видели по телевидению саморекламы, посредственностей, дешевых трюков, но почему никогда не видели этого священного места? Почему не услышали с экрана рассказов очевидцев трагедии, когда они были еще с нами, которых уже теперь нет в живых? Почему журналисты не записали их воспоминания, дали небытию возможность поглотить страницу истории народного духа?

Просто заходишь в тупик, когда начинаешь всерьез задумываться над подобными явлениями окружающей действительности, пытаешься, что называется, свести концы с концами. Неужели мы не достойны лучшей роли, кроме роли грязных потребителей, уподобленных воровским душам? Ну

не дикой ли гнуси продали сердца? Ведь даже в исторических музеях районного и областного центров нет не только стендов, но и упоминаний об этом ужаснейшем злодеянии, вурдалачьей вольнице фашистов. Мало того, в краеведческом словаре «Смоленская область», выпущенном издательством «Московский рабочий» в 1978 году, подготовленном серьезными организациями, тоже нет ни слова о нем. И название Борьбы, исчезнувшей вместе с населением, не присутствует.

Но, может быть, безответственно подошли к делу мои земляки, составляя справочник, или просто у них не хватило компетенции, специальных знаний в этом вопросе, а в других близких, но более научно проработанных изданиях рассказано об ужасном конце мирного русского населения? Откройте энциклопедию «Великая Отечественная война. 1941–1945», вышедшую в солиднейшем издательстве «Советская энциклопедия» в 1985 году. И здесь не найдете никакого упоминания о жутком факте: словно бы ничего и не произошло. А ведь главный редактор капитального тома объемом 185 авторских листов – генерал армии, профессор М.М. Козлов. Подобный же титульный военно-исторический багаж и у четырнадцати членов редакционной коллегии: Ю.Я. Барабаша, П.А. Жилина, В.И. Канатова, М.И. Кузнецова, Г.А. Куманева, И.С. Ляпунова и других. На отдельной странице красуются тоже набранные крупным кеглем семьдесят громких имен, находящихся в составе научно-ре-

дакционного совета, во главе с председателем А.М. Прохоровым. Всего же приняло участие в подготовке обобщенного юбилейного издания (к 40-летию Победы) несколько сот человек, авторов и сотрудников «Советской энциклопедии», основных столпов главных центров знаний тогдашнего Министерства обороны. Маститые хозяева посвященной войне книги странным образом «не заметили» фашистских зверств, злой доли неповинного населения одной из деревень оккупированного Русскоземелья.

Но в то же время нашли, например, возможность поместить здесь биографию и портрет члена Политбюро Шеварднадзе Э.А. (стр. 790), хотя в начале немецко-фашистской агрессии ему было всего тринадцать лет, и ни одного общезначимого факта в связи с ней в его жизнеописании не имеется. Да и события тех лет не носили в Грузии такой бесчеловечной сути, как, скажем, на Смоленщине, Брянщине, Орловщине, Псковщине... По какому праву создатели фундаментального труда об огненных годах себе это позволили?

В шедевре их коллективной мысли вместо статьи о тяжчайшем международном преступлении в Борьбе читаешь биографию, зришь портрет и другого «знаменитого» участника Великой Отечественной войны – Алиева Г.А. из Азербайджана (стр. 47), где вовсе не было театра военных действий, а сам Гейдар Алиевич не являлся фронтовиком. Чем же известен сей муж? Оказывается, он, рожденный в 1923 году, отличился следующим: «В период войны с 1941 года работал в

НКВД, зав. отделом СНК Нахичеванской АССР. С мая 1944 в органах гос. безопасности Азерб. ССР». Разве сопоставимо это с массовым уничтожением советских граждан в лесной деревушке моей «малой родины»? Почему же отдано предпочтение рассказу о малозначащих фактах при умалчивании о кричащих, не в силу же профессиональной некомпетентности? Скорее – в результате действия отлаженного механизма планомерного и подлого манипулирования сознанием по внедрению в общество антирусизма, разрушительной идеологии, по существу ведения подрывной деятельности против главной силы России. Молчать об этом – значит бездействовать, что равносильно продаже высших ценностей за тридцать сребренников. Мы обязаны проявить решимость, противостоять злу, когда создающие книги некоторые сограждане не действуют, откровенно говоря, по принципам уголовного мира. По крайней мере, такую мысль можно допустить с большей степенью вероятности, чем незнание крупнейшими специалистами по Великой Отечественной войне ее важнейших обстоятельств. Но и в одном, и в другом случае, согласитесь, их за это справедливо было бы лишить ученых степеней.

Однако, в отличие от изданного в столице пухлого универсального тома, в краеведческом областном словаре, хотя он не посвящен конкретно минувшей войне, все же можно отыскать много упоминаний о трагедиях, подобных той, которая случилась в Борьбе. Из него узнаем, что вместе с насе-

ленными пунктами были заживо сожжены жители Астахова, Драчева, Замошья, Залазны, Ляхова, Маркова-Шарина, Новодугина, Новоселок, Чертовки, Шилова... А вот в названной специальной энциклопедии – ни слова ни об одном из этих селений не найдете, вообще ни о каком-либо подобном на Смоленщине. Хотя, по моим сведениям, они были практически в каждом районе (районов сейчас 25, до войны их насчитывалось 36). В отдельных же – по нескольку: в Вяземском, Сычевском, Угранском, Гагаринском...

В моем домашнем архиве имеются копии нескольких документов из Сычевского музея, неопровержимо подтверждающие эту абсолютную истину. Рассматриваю «Реестр актов о злодеяниях немецко-фашистских оккупантов и их сообщников». Здесь указаны случаи сожжения, с обозначением дат и количества погибших, в деревнях Зайчики, Осиповка, Харино, Клинцы, Сухарево, Богданово. Вот некоторые жертвы нацистского ничтожества из «Именного списка граждан дер. Зайчики, сожженных в феврале 1943 года фашистским карательным отрядом» с фамилией Лабейкины: Александра, Пелагея, Таисия, Анастасия, их возраст соответственно – 60, 26, 21, 19 лет. Из двадцати трех порядковых номеров этого списка семь относятся к детям.

Еще об одном похожем военном преступлении на территории Сычевского района, ответственность за что несут гитлеровцы, рассказывает «Акт от 21 мая 1943 года»: «В период оккупации, 22 декабря 1942 г., отряд, входивший в состав

крупных сил, посланных немецким командованием против партизан, устроил зверскую расправу над жителями деревни Аксенино Тишинского сельсовета. Якобы за связь с партизанами и за помощь им немцы решили сжечь деревню вместе с жителями. В огне погиб 21 человек, из них девять детей в возрасте от 2 до 8 лет». Только в этом районе, оказывается, сожжены жители семи деревень!

По моей просьбе смоленский поэт и публицист Николай Кеженов в свое время прислал газетные вырезки очерка О. Лонского «Тайна бункера Гитлера», опубликованного в трех номерах областной газеты «Рабочий путь» в июле 1988 года под рубрикой «Из журналистского блокнота». Из него я узнал, что как раз в марте 1943 года, когда чуть не предали огню меня самого с остальными жителями родной деревушки Желтоухи, на Смоленщине в бункере, в глубокой подземной норе, находился главарь пришлых извергов Гитлер. «Почему именно в его приезд, как факелы, вспыхнули сотни смоленских деревень, а людей сжигали заживо? Какие распоряжения он отдавал из этого бункера?» – задается такими вопросами О. Лонский. Отвечая на них, он собрал воедино разрозненные в его досье сведения «о смоленских деревнях, в которых оккупанты заживо сожгли мирных жителей – женщин, стариков и детей». Исследователь сообщает: «Таких деревень насчитал 47, а сожжено в них было, по официальным актам, 6669 душ.

Это не полная картина. Сюда не вошли сожженные уз-

ники рославльской тюрьмы (мне довелось слушать показания бывшего начальника этой тюрьмы на заседании военного трибунала)». Далее мой земляк говорит об общих сведениях по ряду городов и районов, где причины смерти не дифференцированы, и продолжает:

«А когда заново начал перечитывать сводки Совинформбюро, то обратил внимание, что в моем досье нет многих смоленских деревень, о трагедиях которых писали тогда все газеты. Первое сообщение о зверствах на Смоленщине прозвучало еще в утренней радиопередаче 10 сентября 1941 года: «Около деревни Починок была повреждена телефонная линия. Немцы согнали оставшихся в деревне стариков, женщин и детей в помещение правления колхоза и заживо всех сожгли». Публикация О. Лонского расширяет список огненных трагедий, носящих здесь названия следующих деревень: Ивченок, Колодезков, Песочни, Бильдюгина, Орловки, Хотькова, Ломанчина, Знаменок, Новой, Гаврилок, Спасского.

А сколько же таких ужасов насчитывается во всех русских областях в целом? Сколько вообще погибло мирного русского населения в годы грандиозного побоища? Об этом фактически никто не говорил при коммунистах, и все молчат при «демократах». Иль говорят так, что как будто и не говорят, скорее темнят, до сути не докопаешься. К случившимся однотипным событиям в других краях отношение иное, каким оно и должно быть.

Не только в Белоруссии, например, но и во всем мире известно, что вместе с селом Хатынь немецко-фашистские солдаты в марте 1943 года (почти одновременно с гекатомбой в русском селении Борьба) уничтожили 149 жителей. На месте трагедии сооружен мемориал, туда проложены экскурсионные маршруты, о происшедшем написаны книги, естественно, подробная статья о Хатыни имеется и в любом систематизированном труде о Великой Отечественной войне, тем более когда в подготовке его зараз участвуют сотни ученых. Но в Борьбе сожжено на 138, в Астахове (300) в два, в Чертовке (480) в три с лишним раза больше мирных граждан, чем в Хатыни. Однако они практически забыты совсем, о них даже нет напоминаний в справочной литературе о войне. Ну не парадокс ли? Почему не известна обществу выше-названная фактура? В чем корень неосвоения этих исторических трагедий народа и спустя полвека с лишним после их совершения? Происходит нечто ужасное. Это не какая-то простая вещь. Содержащееся в общественной жизни противоречие, являющееся фактом, который нечего доказывать, ибо он – самоочевидность, нельзя не заметить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.